Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»

Балаковский филиал

Юридическая наука, государство и общество: актуальные проблемы и вызовы

Материалы городской научно-практической студенческой конференции

(Балаково, 3 декабря 2025 года)

Москва 2026

УДК 340.1
ББК 67
Ю 701

Ю 701 **Юридическая наука, государство и общество: актуальные проблемы и вызовы.** Материалы городской научно-практической студенческой конференции (Балаково, 3 декабря 2025 года). Сборник трудов конференции – Москва: Мир науки, 2026 г. – Режим доступа: https://izd-mn.com/PDF/68MNNPK26.pdf – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-908197-07-6
DOI: 10.15862/68MNNPK26

Городская научно-практическая студенческая конференция «Юридическая наука, государство и общество: актуальные проблемы и вызовы» (3 декабря 2025 года, город Балаково) посвящена актуальным вопросам государства и права. Конференция направлена на выявление научного и творческого потенциала студентов, привлечение обучающихся к научно-исследовательской деятельности. Сборник представляет интерес для обучающихся по образовательным программам высшего и среднего профессионального образования.

Издание распространяется под лицензией Creative Commons CC BY 4.0

ISBN 978-5-908197-07-6

© Коллектив авторов, 2026 г.
© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» Балаковский филиал, 2026 г.
© ООО Издательство «Мир науки», 2026 г.

Оглавление

Баймухаметов Р.Р. Внесение изменений в конституцию Российской Федерации как инструмент развития отечественной правовой системы 4

Борунова Я.А. Конституционные основы противодействия экстремизму и терроризму в условиях современных вызовов 9

Гасанова С.Л. Экономические и социальные права, гарантированные в Конституции Российской Федерации: фундамент благосостояния и справедливости 13

Никифоров Б.И. Правовая культура и правовой нигилизм в российском обществе 16

Буткова П.В. Уголовно-правовое воздействие и его структурные элементы 23

Гудкова В.В. Уголовно-правовое предупреждение преступных посягательств на половую неприкосновенность и половую свободу личности 26

Кулишова Д.М. Уголовное наказание как ведущее средство уголовно-правового воздействия 29

Фицковская Я.В. Проблемы двусторонней реституции в сделках с недвижимостью, совершенных под влиянием обмана: анализ судебной практики 32

Гасанова С.Л. Правовое регулирование кибербезопасности в России: анализ, проблемы, перспективы 37

Лопатина А.Ю. Цифровизация как драйвер роста для малого и среднего бизнеса в России: анализ текущей ситуации и потенциальные возможности 43

Прудникова Н.Н., Шафеев И.А. Лингводидактические аспекты формирования понятийного аппарата теории государства и права: (на материале англоязычной юридической терминологии) 50

Вербицкая К.А., Чаплагин Д.А. Химическая зависимость как фактор кадровой безопасности предприятия: социально-гуманитарный анализ и управленческие подходы 55

УДК 342.4

Баймухаметов Рашид Рафикович
студент 3 курса очной формы обучения направления подготовки
40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридической академия»
Балаковский филиал
Россия, г. Балаково
e-mail: baymukhametov_2017@mail.ru

Внесение изменений в конституцию Российской Федерации как инструмент развития отечественной правовой системы

Аннотация

В статье рассмотрено влияние поправок к Конституции РФ на развитие отдельных отраслей права. Выделены основные тенденции в деятельности государства по реформации Конституции РФ за весь период ее существования. На основе сравнения с Основным законом ФРГ, проведен анализ эффективности используемых средств преобразования отечественной Конституции. Помимо этого, исследованы отдельные изменения, которые оказали особое воздействие на правовую систему РФ, причины и последствия их принятия.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, поправки, правовая система, местное самоуправление, система сдержек и противовесов.

Baymukhametov Rashid Rafikovich
3nd year student of study 40.05.04 Judicial and Prosecutorial Activity
Balakovo branch of Saratov State Law Academy
Balakovo, Russia
e-mail: baymukhametov_2017@mail.ru

Introduction of amendments to the Constitution of the Russian Federation as a tool for the development of the domestic legal system

Abstract

The article examines the impact of amendments to the Constitution of the Russian Federation on the development of certain branches of law. The main trends in the activity of the state on the reformation of the Constitution of the Russian Federation for the entire period of its existence are highlighted. Based on a comparison with the Basic Law of the Federal Republic of Germany, an analysis of the effectiveness of the means used to transform the national Constitution is carried out. In addition, individual changes that had a special impact on the legal system of the Russian Federation, the causes and consequences of their adoption are investigated.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, amendments, legal system, local government, system of checks and balances.

Конституция как нормативно-правовой акт, обладающий высшей юридической силой на территории конкретного государства и закрепляющий положения и принципы,

устанавливающие порядок организации и деятельности высших органов государственной власти, их взаимодействие между собой и с населением, а также правовой статус личности, стал применяться в мировой практике относительно недавно - с конца XVIII века. Особый всплеск принятия новых конституций пришелся на период после окончания Второй Мировой войны, что тесно связано с пересмотром мирового устройства. Следующий этап формирования множества новых конституций - последнее десятилетие XX века, что связано с распадом СССР, где каждая бывшая союзная республика должна была принять новую конституцию для закрепления своей государственности.

Одной из таких является как раз Конституция РФ, которая была принята 12 декабря 1993 г. [1], то есть почти 32 года назад. Период времени, прошедший с момента принятия, достаточно небольшой как для основного закона, но при этом уже вносились изменения. В этой связи возникает логичный вопрос: является ли это положительным аспектом качества нашей Конституции или же это одна из проблем, которая указывает на низкую надежность правовых норм в изначальной редакции?

Основные законы в правовой науке подразделяются по критерию внесения в них изменений на гибкие (неписаные Конституции Великобритании и Новой Зеландии) и жесткие (Конституции ФРГ, Италии, Португалии). Конституция РФ является жесткой, потому что поправки в 3–8 главы вносятся особым актом - Законом РФ о поправке к Конституции РФ, а поправки в 1, 2, 9 главы не могут быть внесены, так как это рассматривается в качестве полного пересмотра Конституции РФ. Поэтому изменения в основной закон страны вносились не так часто, а именно в 2008 [2], 2014 [3], 2020 [4], 2022 [5] годах.

Общество развивается стремительными темпами, изменяя сущность многих общественных отношений, что указывает на необходимость постоянно изменять законодательство, стремясь с правовой точки зрения описать все новшества. Конституция РФ является, в первую очередь, нормативно-правовым актом учредительного характера, закрепляя основные принципы конституционного строя РФ, но даже в таком случае изменение правовых норм, формирующих ее - необходимое условие для полноценного развития РФ в правовой сфере. Конституция закрепляет тенденции и принципы, на основе которых в дальнейшем формируется вся разветвленная система законодательства РФ, поэтому именно через внесение изменений в Конституцию можно добиться совершенствования основных направлений развития правовой системы. Поправки вносились не так часто и носили точечный характер (например, изменения 2014 года, когда был упразднен Высший арбитражный суд РФ [3]), но в 2020 году были внесены множественные поправки, которые усилили систему сдержек и противовесов, распределив часть полномочий между органами государственной власти так, чтобы снизить до минимума и искоренить совсем злоупотребление властью (федеральные министры подконтрольных Президенту РФ министерств назначаются теперь только после консультации с Советом Федерации и др. [4]).

Отдельно можно рассмотреть поправку, которая изменила текст статьи 79. Согласно данным изменениям, устанавливается приоритет национального права над международным в тех аспектах, где есть противоречия Конституции РФ. Этот принцип является важным одновременно с двух точек зрения: политической и правовой. В первом случае исключается возможность воздействия на внутреннюю политику Российской Федерации посредством международных актов, тем самым в случае выявления такого воздействия нормы данных документов могут не исполняться. С правовой же точки зрения это позволяет вступать в международные отношения, не теряя собственной правовой индивидуальности, которая присуща правовой системе каждого государства, но из-за интегративных и глобализационных

процессов угасающая с каждым годом все сильнее, и исполняя только те положения, которые соответствуют нашему законодательству. Это укрепляет позиции отечественного права и создает возможности для его развития, не исключая полностью взаимодействие с другими правовыми системами, а лишь ограничивая такое взаимодействие, выделяя только такие положения, которые будут совершенствовать отечественное законодательство.

Ранее выдвигались идеи по поводу принятия новой конституции, но в этом нет необходимости на данном этапе, поскольку правовой материал еще является качественным. Конституция РФ хоть и была принята в период кризиса, но она не была временной, поэтому полный ее пересмотр не требуется. В мировой практике присутствуют примеры, когда путем внесения изменений даже временные конституции становились эффективными основными законами на достаточно длительные периоды. Один из таких примеров - Основной Закон Федеративной республики Германии [6], который был принят в 1949 году как временный с целью изменения государственности и восстановления страны после поражения во Второй Мировой войне. Но данный документ действует до сих пор. Да, в него вносились многочисленные изменения, но полного пересмотра не было. Таким образом, важно именно качество вносимых изменений, а не их количество.

Особенно подробно хочется рассмотреть поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 году и связанные с организацией местного самоуправления. Российская Федерация - государство с огромной площадью территории, что, конечно же, сказывается и на системе управления. До внесения изменений она была устроена так: государственная власть и власть на уровне муниципальных образований (представлена органами местного самоуправления, которые осуществляют свою деятельность в определенной независимости). Но достаточно сложно было объяснить с правовой точки зрения ту самую «определенную независимость», потому что если наделить органы местного самоуправления слишком большими полномочиями, то можно обрести государство-подобное образование, которое будет противопоставлять себя ему; если же наделить небольшим количеством полномочий, то сам факт существования местного самоуправления ставится под сомнение, ведь в таком случае, когда полномочий у таких органов немного, данные права и обязанности не исчезают вовсе, а лишь переходят органам государственной власти как субъектов РФ, так и в некоторых аспектах и самой Российской Федерации, что приведет к исключению местного самоуправления из структуры власти. Поэтому на формирование правильной «формулы» местного самоуправления потребовалось не одно десятилетие. В 2020 году были внесены изменения, касающиеся местного самоуправления как особого правового института. В ч. 3 ст. 132 появилась формулировка «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в РФ...» [1], которая выделяет новую систему, включающую в себя и власть государства, и власть муниципалитетов. Таким образом, из данных изменений вытекает факт формирования такой системы власти, где будет обеспечено более тесное взаимодействие между государственными органами и органами местного самоуправления, реформируя его таким образом, чтобы присутствовало сходство институтов государственной власти с местным самоуправлением, но не исключая при этом принципа независимости при осуществлении деятельности по решению вопросов местного значения, а лишь устанавливая более тщательный контроль за их деятельностью в целях наиболее полного обеспечения благополучия населения. Данные высказывания подтверждаются заключением Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. [7], в котором указывается, что единая система публичной власти обеспечит согласованные действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан.

Рассмотрение анализируемого вопроса является актуальным и важным, потому что с момента принятия поправок к Конституции РФ, касающихся установления единой системы публичной власти, прошло уже 5 лет - и только в 2025 году был принят Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [8], который закрепил новую систему местного самоуправления. Проект данного Федерального закона находился на рассмотрении палат Федерального Собрания РФ с 16.12.2021, но из-за сложности закрепления особенностей местного самоуправления в условиях интеграции в единую систему публичной власти утвержден данный проект был только в 2025 году. Вступил же в законную силу данный акт 19.06.2025 г., за исключением ст. ст. 32, 37, 39, и ч. 23 ст. 89, которые будут регулировать общественные отношения только с 01.01.2027. Указанный документ является ярким примером, когда именно поправка к Конституции РФ стала основой для реформации законодательства в конкретной сфере, а не наоборот. В данный момент достаточно сложно оценить влияние этих изменений, поскольку прошло еще мало времени, но уже сейчас можно точно сказать, что это верный подход к определению местного самоуправления и его положения в системе власти РФ, создавая такую систему, где местное самоуправление приобретает некоторые аспекты от органов государственной власти, предоставляя возможность рассматривать всю иерархию власти с точки зрения подобия и аналогии, где имеются схожести на всех уровнях, но при этом сохраняются и особенности, которые свойственны только власти муниципальной.

Таким образом, поправки являются важнейшим и неотъемлемым инструментом развития не только самого основного закона, но и всей отечественной правовой системы. Но, изменяя Конституцию, не стоит забывать, что это основной закон, который устанавливает лишь основные принципы и тенденции, которые впоследствии уже детально раскрываются в конкретных нормативно-правовых актах. Она должна сохранять свою стройность, четкость формулировок, а также свои отточенные множеством лет практики, положения, которые могут применяться не только через отдельные нормативные правовые документы, но и напрямую через указание на положение конституции (прямое действие), а также которые должны выражать направления, связанные с развитием государства в целом и создающие возможность построения такой правовой системы, где будут полностью обеспечены стабильность и благополучие населения.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Закон о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
4. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. 2020. 4 июля.

5. Федеральный конституционный закон от 04 октября 2022 № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Херсонской области» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6933.

6. Основной закон Федеративной республики Германия (нем. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949) // Федеральный вестник законов ФРГ. 2025. № 94.

7. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

8. Федеральный закон от 20 марта 2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

УДК 342.4

Борунова Яна Александровна
студент 3 курса очной формы обучения направления подготовки
40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридической академия»
Балаковский филиал
Россия, г. Балаково
e-mail: Borunova.06@mail.ru

Конституционные основы противодействия экстремизму и терроризму в условиях современных вызовов

Аннотация

В данной статье рассматриваются конституционные начала противоборства экстремизму и терроризму в Российской Федерации в обстановке текущих вызовов. Анализируются тенденции роста преступлений экстремистской направленности, особенно в информационной среде, и влияние этих преступлений на национальную безопасность.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, конституционные основы, противодействие, информационные технологии, молодежь, нормативно-правовое регулирование.

Borunova Yana Alexandrovna
3nd year student of study 40.05.04 Judicial and Prosecutorial Activity
Balakovo branch of Saratov State Law Academy
Balakovo, Russia
e-mail: Borunova.06@mail.ru

The main trends in the development of criminal law

Abstract

This article examines the constitutional foundations of countering extremism and terrorism in the Russian Federation in the context of modern challenges. It analyzes the trends of increasing extremist crimes, especially in the information environment, and the impact of these crimes on national security.

Keywords: extremism, terrorism, constitutional foundations, counteraction, information technologies, youth, legal regulation.

Экстремизм, и его крайняя форма терроризм, оказывают разрушительное воздействие не только на общественно-политическую жизнь конкретного государства, но и на весь мир в целом. Экстремизм и терроризм, претерпев различные трансформации, стали одной из наиболее серьезных угроз, с которыми человечество столкнулось в XXI столетии.

События последних лет на Украине, Ближнем Востоке, напряженная ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе, указывают на глобальную проблему и свидетельствуют о

том, что ни одна страна не свободна от экстремизма, часто основанного на религиозной или этнической ненависти.

С учетом вышесказанного, экстремизм – это продвижение идей, разжигающих вражду между людьми разных рас, национальностей и религий. Экстремисты используют агрессивные и противозаконные методы, для того чтобы нарушить права и свободы людей, основываясь на их происхождении, вероисповедании или социальном статусе.

Экстремистская деятельность может проявляться по-разному, включая акты гражданского неповиновения, в их числе террористические атаки. Терроризм, в свою очередь, является одной из форм экстремизма, представляющей собой политическую борьбу, основанную на идеологически оправданном насилии. Целью террористов часто становятся государственные органы, представители власти и мирные граждане. По статистике годового отчета Росфинмониторинг только за 2024 год было внесено в перечень террористов и экстремистов более 3,1 тыс. физических лиц и 80 организаций, и заморожено активов общей стоимостью 245 млн руб.

Конституция РФ, устанавливает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и признавая идеологическое многообразие в качестве одной из основ конституционного строя, гарантирует каждому свободу совести, свободу вероисповедания, право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные или иные убеждения и действовать в соответствии с ними [1].

Вместе с тем Конституция исходит из того, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Таким образом, Конституция закрепляет запрет любых проявлений национальной, расовой или религиозной ненависти, подстрекающих к дискриминации, вражде или насилию. Подобная строгость обусловлена тем, что многонациональный состав страны требует особого внимания к любым его проявлениям и требует пристального внимания, быстрого реагирования на попытки отдельных лиц и организаций посеять рознь между народами и различными группами населения нашей страны.

Роль Конституции Российской Федерации в противодействии терроризму и экстремизму не ограничивается лишь запретом этой деятельности. Именно Конституция закладывает фундаментальные принципы, внутри которых государство обязано действовать, защищая общество от угроз, но охраняя при этом права личности. Через разграничения полномочий она создает эффективный механизм государственного управления в области безопасности между Президентом РФ, Федеральным собранием и Правительством РФ. Президент определяет основные направления государственной политики, Правительство осуществляет меры по обеспечению безопасности, а Федеральное Собрание принимает законы, устанавливающие ответственность за террористические и экстремистские действия. Такое разграничение обеспечивает системный подход к противодействию угрозам. Также Конституция предусматривает правовые основания для ограничения прав в защищаемых законом интересах. Такие меры как: введение контртеррористической операции, проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничение доступа к информации.

В развитие указанных ранее конституционно-правовых положений были приняты: Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. №

114-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 г.), Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». Представленные нормативно-правовые акты напрямую говорят о том, что преступления экстремистской направленности вызывают повышенный общественный резонанс и дестабилизируют общественно-политическую и социально-экономическую обстановку как в отдельных регионах России, так и в стране в целом [2]. Отмечается усиление влияния таких преступлений на национальную безопасность.

Текущая криминогенная ситуация в государстве демонстрирует ежегодный подъем уровня преступности, связанной с экстремизмом. Согласно данным официальной статистики ГИАЦ МВД России, в январе—июне 2024 года зарегистрировано 1 651 преступление террористического характера, что на 38,4% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В 2024 году было совершено как минимум два крупных теракта за последние годы. В марте террористы атаковали «Крокус Сити Холл», в результате которого, по официальным данным, погибли 145 человек. Пострадали более 500 граждан.

Исходя из положений Указа Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124, следует отметить, что экстремистские и иные антиобщественные организации используют информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть "Интернет", мультимедийные и онлайн-технологии для вербовки новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии, а также финансирования экстремистской деятельности [3].

Наиболее подверженной аудиторией массового информационного воздействия является молодежь. Экстремистские ресурсы широко применяют на них методы психологического воздействия, в том числе дезинформацию, запугивание, манипулируют общественным мнением и искажают факты. В связи с этим, был принят Федеральный закон от 31.07.2025 N 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Исходя из КоАП РФ ст.13.5, предусматривается штраф в размере от трех до пяти тысяч рублей за поиск в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" заведомо экстремистских материалов [4].

В тоже время целесообразно обратить внимание на то, что данный перечень нормативно-правовых положений, особое внимание в котором занимает конституционно правовые нормы, касающиеся противодействия преступности, не являются исчерпывающими. Необходимо, чтобы общество понимало всю серьезность угрозы экстремизма и активно боролось с ним. Для этого следует использовать все разумные и эффективные методы, которые должны стать руководством к действию, не оставаясь только планами и пожеланиями.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

2. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 30 – Ст. 3031.

3. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2024. – № 1 (часть 2). – Ст. 152.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

УДК 346.1

Гасанова Снежана Лазаревна
студент 2 курса очной формы обучения направления подготовки
40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридической академия»
Балаковский филиал
Россия, г. Балаково
e-mail: snezhanagasanova8@yandex.ru

Экономические и социальные права, гарантированные в Конституции Российской Федерации: фундамент благосостояния и справедливости

Аннотация

В статье рассматриваются экономические и социальные права, закрепленные в Конституции Российской Федерации, их значение для обеспечения достойного уровня жизни населения и формирования социально ориентированного государства. Проводится анализ механизмов реализации данных прав, а также выявляются основные проблемы их практического обеспечения. Особое внимание уделяется современным вызовам, влияющим на эффективность реализации социально-экономических прав граждан.

Ключевые слова: конституционные права, экономические права, социальные права, социальное государство, конституционные гарантии.

Gasanova Snezhana Lazarevna,
2nd year student of study 40.05.04 Judicial and Prosecutorial Activity
Balakovo branch of Saratov State Law Academy
Balakovo, Russia
e-mail: snezhanagasanova8@yandex.ru

Economic and Social Rights Guaranteed by the Constitution of the Russian Federation: The Foundation of Welfare and Justice

Abstract

The article examines economic and social rights enshrined in the Constitution of the Russian Federation and their role in ensuring a decent standard of living and building a socially oriented state. The mechanisms of implementation of these rights are analyzed and the main problems of their practical realization are identified. Special attention is paid to modern challenges influencing the effectiveness of socio-economic rights protection.

Keywords: constitutional rights, economic rights, social rights, welfare state, constitutional guarantees.

Конституция Российской Федерации закрепляет фундаментальные основы правового статуса личности и определяет систему прав и свобод человека и гражданина. Среди них

особое значение имеют экономические и социальные права, поскольку именно они обеспечивают достойные условия существования личности, возможность развития человеческого потенциала и формирование социально ориентированного государства [1].

В современной правовой системе данные права рассматриваются как важнейший элемент обеспечения социальной справедливости и устойчивого развития общества. Экономические права направлены на обеспечение участия человека в экономической жизни государства. К числу таких прав относятся право на труд, свобода предпринимательской деятельности, право частной собственности, а также право свободно распоряжаться своими способностями к труду и выбирать род деятельности. Реализация данных прав способствует развитию рыночной экономики, стимулирует экономическую активность граждан и обеспечивает формирование конкурентной среды [2].

Одним из важнейших экономических прав является право на труд. Оно предполагает возможность каждого человека свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности. Конституция также закрепляет право на справедливые условия труда, защиту от безработицы и получение вознаграждения, обеспечивающего достойное существование человека и его семьи [3].

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому возможность владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами. Данное право играет ключевую роль в экономическом развитии государства и формировании устойчивых рыночных отношений.

Социальные права направлены на обеспечение социальной защиты населения и создание условий для полноценного развития личности. К ним относятся право на социальное обеспечение, право на образование, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на жилище, а также право на отдых. Эти права формируют основу социальной политики государства и способствуют снижению уровня социального неравенства [4].

Особое место среди социальных прав занимает право на социальное обеспечение. Оно предполагает предоставление гражданам государственной поддержки в случаях утраты трудоспособности, старости, безработицы или иных жизненных обстоятельств. Система социальных гарантий включает пенсии, пособия и иные выплаты, направленные на поддержание достойного уровня жизни населения.

Право на образование является важнейшим инструментом развития личности и общества. Конституция Российской Федерации гарантирует общедоступность и бесплатность основного общего образования, а также возможность получения среднего профессионального и высшего образования на конкурсной основе.

Образование способствует формированию квалифицированных специалистов и повышению уровня правовой культуры граждан. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь также имеет особое значение. Государство обязано создавать условия для развития системы здравоохранения, обеспечивать доступность медицинских услуг и реализовывать программы по укреплению здоровья населения. Эффективная система здравоохранения является важнейшим фактором повышения качества жизни общества.

Несмотря на закрепление экономических и социальных прав в Конституции, их практическая реализация сталкивается с рядом объективных трудностей. Среди них можно выделить экономические ограничения государства, бюрократические барьеры, социальное неравенство и недостаточную информированность граждан о своих правах. Данные факторы могут существенно снижать эффективность реализации конституционных гарантий [5].

В современных условиях особое влияние на реализацию социально-экономических прав оказывают процессы глобализации и цифровизации. Развитие цифровой экономики требует создания новых правовых механизмов, направленных на обеспечение равного доступа граждан к информационным ресурсам и современным технологиям. Также возникает необходимость защиты граждан от цифровой дискриминации и иных новых форм социального неравенства.

Важную роль в обеспечении реализации экономических и социальных прав играет гражданское общество. Общественные организации, профессиональные союзы и правозащитные институты способны осуществлять общественный контроль за деятельностью государственных органов и содействовать защите интересов граждан. Их деятельность способствует повышению эффективности реализации конституционных гарантий.

Таким образом, экономические и социальные права являются важнейшим элементом правового статуса личности и фундаментом социального государства. Их эффективная реализация требует постоянного совершенствования законодательства, развития социальных институтов и активного участия гражданского общества. Только при условии комплексного подхода возможно создание справедливого общества, в котором каждый человек имеет возможность реализовать свой потенциал и обеспечить достойный уровень жизни.

Библиографический список

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: Норма, 2021.
2. Лазарев В.В. Теория государства и права. – М.: Юрайт, 2022.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // ООН. – URL: https://www.un.org (дата обращения: 16.03.2026)
5. Алексеев С.С. Общая теория права. – М.: Проспект, 2020.

УДК 34.01

Никифоров Богдан Игоревич
студент 3 курса очной формы обучения направления подготовки
40.03.01 Юриспруденция
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Балаковский филиал
Россия, Балаково
e -mail: bogdan.nikiforov.2015@mail.ru

Правовая культура и правовой нигилизм в российском обществе

Аннотация

В статье утверждается, что правовой нигилизм представляет собой системную угрозу для построения правового государства в России, несмотря на активное развитие законодательства. Это явление, имеющее глубокие исторические корни, проявляется в недоверии к закону и убежденности в его избирательном применении. Преодоление правового нигилизма требует комплексного подхода, включающего как совершенствование правоприменительной практики, так и целенаправленное формирование правовой культуры у граждан.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правовая культура, правовое государство, правовое просвещение, верховенство права.

Nikiforov Bogdan Igorevich
3nd year student of study 40.03.01 Jurisprudence
Balakovo Branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Russia, Balakovo
e -mail: bogdan.nikiforov.2015@mail.ru

Legal culture and legal nihilism in Russian society

Abstract

The article argues that legal nihilism poses a systemic threat to the construction of a rule-of-law state in Russia, despite the active development of legislation. This phenomenon, which has deep historical roots, is manifested in distrust of the law and a belief in its selective application. Overcoming legal nihilism requires a comprehensive approach, including both the improvement of law enforcement practices and the targeted formation of legal culture among citizens.

Key words: legal nihilism, legal culture, rule-of-law state, legal education, rule of law.

Современное российское законодательство развивается высокими темпами, поскольку призвано отвечать на вызовы быстро меняющегося мира - цифровизации экономики, новых геополитических реалий и технологического прогресса. Однако наблюдается очевидный парадокс: в условиях тотальной информатизации общества, когда любой нормативно-

правовой акт можно найти в интернете за несколько секунд, значительная часть населения России продолжает демонстрировать устойчивый правовой нигилизм и низкий уровень правовой культуры.

Это проявляется не только в обычном незнании законов, но и в глубоком недоверии к их справедливости, в убеждении, что закон можно обойти, а его применение зависит от социального статуса человека. Данная проблема сохраняет высокую актуальность, поскольку создает системную угрозу для национальной безопасности, подпитывает коррупцию и замедляет экономическое развитие страны.

Как справедливо отмечали ведущие правоведы В.А. Туманов [1] и Н.И. Матузов [2], правовой нигилизм в России имеет глубокие исторические корни и представляет собой серьезную угрозу построению правового государства. Недостаточно создать совершенные законы – они должны находить отклик в сознании граждан. Именно массовая правовая осведомленность и уважение к закону являются ключевым условием формирования правового государства, когда граждане воспринимают право не как внешнюю угрозу, а как инструмент защиты своих интересов.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: зачем необходимо целенаправленно формировать правовую культуру у граждан страны? Ответ на него лежит на поверхности и является очевидным: это необходимо для снижения уровня правонарушений и последовательного искоренения правового нигилизма. Когда человек понимает закон и верит в него, он с большей вероятностью будет действовать в правовом поле добровольно, а не из страха перед наказанием.

Таким образом, эта деятельность не просто просветительская инициатива, а стратегическая инвестиция в стабильность общества. Именно поэтому она должна стать одним из ведущих, системных направлений внутренней политики государства, требующим консолидации усилий как властных структур, так и образовательных учреждений и институтов гражданского общества.

Для перехода к практической части исследования научной статьи необходимо определить задачи, по которым будет проходить данная научная деятельность. Задачами исследования выступают:

Раскрыть понятие и формы правового нигилизма;

Проанализировать исторические предпосылки и современные причины его распространения в России;

Исследовать взаимосвязь правового нигилизма и уровня правовой культуры;

Предложить конкретные меры по формированию правовой культуры и минимизации правового нигилизма.

Представленные задачи помогут глубже понять проблему правового нигилизма и отсутствия правовой культуры в современном российском обществе.

Правовой нигилизм (от лат. nihil – ничто) представляет собой системное социально-правовое явление, характеризующееся отрицанием социальной ценности права как регулятора общественных отношений. В современной юридической науке существует несколько концептуальных подходов к определению его сущности.

Согласно позиции В.А. Туманова, правовой нигилизм есть “отрицательное отношение к праву, которое может проявляться в различных формах – от равнодушного, безразличного отношения до резкого критического и даже враждебного”. Этот подход акцентирует внимание на психологической составляющей явления.

Н.И. Матузов рассматривает правовой нигилизм как “деформацию правосознания, выражающуюся в умалении социальной ценности права, в недооценке его роли как средства регулирования общественных отношений” [3, 31].

В современной научной литературе выделяются три основные формы правового нигилизма:

Бытовой (обыденный) нигилизм – проявляется в повседневной жизни через незнание законов и неверие в их справедливость. Эта форма укоренена в правовой невоспитанности и является элементом массового сознания.

Философский (доктринальный) нигилизм – находит выражение в теоретических концепциях, отрицающих социальную ценность права. Исторически эта форма связана с идеями анархизма и радикального революционизма. Яркой иллюстрацией служат воззрения М.А. Бакунина, утверждавшего, что “государство и право есть зло, которое должно быть уничтожено” [4, 156].

Ведомственный нигилизм – проявляется в деятельности государственных органов через:

принятие неправовых нормативных актов;

подмену принципа законности целесообразностью;

прямые злоупотребления должностными полномочиями.

А.Н. Зрячкин справедливо отмечает, что “именно ведомственный нигилизм представляет наибольшую опасность, поскольку исходит от самих государственных институтов, призванных охранять законность” [5, 22]. Однако для понимания природы этого явления необходимо рассмотреть его антипод – правовую культуру, а также исторические предпосылки его формирования.

Правовая культура представляет собой систему духовно-нравственных и правовых ценностей, выступая организующим началом всей правовой жизни общества. Если правовой нигилизм есть отрицание социальной ценности права, то правовая культура представляет собой его утверждение через осознанное восприятие и реализацию правовых предписаний. Именно в правовой культуре аккумулируется “творческий потенциал общества, позволяющий эффективно использовать правовые средства для достижения общественно значимых целей”.

Структурно-правовая культура включает три взаимосвязанных элемента: когнитивный (правовые знания), аксиологический (правовые ценности) и поведенческий (правовая активность). В своем единстве они образуют сложную систему, проявляющуюся на трех основных уровнях: обыденном (массовые представления о праве), профессиональном (специализированная культура юристов) и доктринальном (теоретическое осмысление права).

Исторические корни российского правового нигилизма уходят глубоко в прошлое. Ярким свидетельством устойчивого недоверия к закону является народная пословица “Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло”, точно передающая восприятие права как инструмента произвола. Эта мысль находит развитие в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина, который в “Истории одного города” показал противоречие между формальным законом и нравственной справедливостью[1]. Его знаменитый афоризм “Суровость российских законов смягчается необязательностью их исполнения” раскрывает системную проблему избирательности правоприменения, подрывающую саму идею верховенства права.

Особую остроту проблема правового нигилизма приобретает в контексте ведомственного противостояния закону. “Когда сами блюстители закона становятся его

[1] Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. – Л.: Художественная литература, 1970. – 320 с.

нарушителями, возникает порочный круг, разорвать который можно только через формирование подлинной правовой культуры" – этот тезис особенно актуален сегодня, когда совершенствование правовой системы требует не только изменения законодательства, но и преодоления глубинных исторически сложившихся стереотипов правового сознания.

Среди массовых проявлений правового нигилизма особую тревогу вызывает укорененность практик уклонения от налогов, неисполнения судебных решений и так называемой "бытовой" коррупции. Массовое несоблюдение законов создает эффект нормальности противоправного поведения, что особенно опасно в условиях формирования правового государства.

На индивидуальном уровне правовой нигилизм проявляется в двух основных формах: пассивной (незнание базовых правовых норм) и активной (убежденность в том, что "деньги и связи решают все"). Исследования показывают, что российские граждане часто предпочитают неправовые способы решения конфликтов, что свидетельствует о глубоком кризисе доверия к формальным институтам.

Институциональные формы нигилизма представляют наибольшую общественную опасность. Коррупционные схемы, злоупотребления должностными полномочиями, создание законодателем намеренно неисполнимых норм – все это формирует порочный круг, когда государство само становится источником правового беспредела.

Исторические предпосылки продолжают оказывать значительное влияние на современное правосознание. Традиционное восприятие власти и закона как враждебных сил, уходящее корнями в крепостническую эпоху, до сих пор определяет поведенческие модели многих россиян. Отсутствие системного правового воспитания в школах и вузах завершает эту негативную картину.

Эмпирические исследования демонстрируют глубину кризиса правовой культуры в российском обществе, которая проявляется в устойчивом недоверии к институтам, недостаточной правовой грамотности и укорененности установок на обход закона. Согласно мониторинговым данным ВЦИОМ, в российском обществе доминирует установка на необходимость соблюдения осторожности во взаимодействии с другими людьми: такую позицию в 2024 году разделяли 73% респондентов, тогда как готовность доверять большинству выразили лишь 24% граждан. Этот общий фон недоверия транслируется и на восприятие правовых норм: около половины опрошенных (48%) полагают, что люди повели бы себя честно, даже имея возможность обмануть, однако треть (33%) придерживается противоположного мнения, считая, что окружающие попытались бы воспользоваться такой возможностью. Низкий уровень правовой грамотности выступает существенным фактором правового нигилизма.[2]

Как показало исследование Аналитического центра НАФИ, проведенное в 2020 году, Индекс правовой грамотности россиян составляет лишь 47 пунктов из 100 возможных. При этом наиболее проблемными компонентами являются «Правовые навыки» (39 пунктов) и «Правовые знания» (46 пунктов), что свидетельствует о дефиците у граждан не только теоретических представлений о праве, но и практических компетенций для защиты своих интересов. Правовая неуверенность граждан проявляется и в их готовности защищать свои интересы: исследование выявило, что лишь 7% россиян специально обучались правовой грамоте или имеют юридическое образование, а повышение уровня знаний в этой сфере

[2] Доверие в России – мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-v-rossii-monitoring (дата обращения: 30.11.2025).

происходит преимущественно стихийно, по мере столкновения с нарушениями в таких сферах, как ЖКХ, медицина и финансовые услуги.[3]

Особую тревогу вызывает распространенность установок, подрывающих принцип верховенства закона. Согласно тому же исследованию НАФИ, лишь половина россиян (50%) считает, что нарушать закон недопустимо ни при каких обстоятельствах. При этом 19% респондентов допускают такую возможность в случае несправедливости самого закона, 14% – по незнанию, а 12% – если при этом никто не пострадает. Почти каждый десятый (около 10%) готов нарушить закон, если за это не последует наказания. Это указывает на укорененность в массовом сознании инструментального отношения к праву, которое воспринимается не как безусловная ценность, а как условный барьер. Кризис доверия распространяется и на ключевые правовые институты. Так, уровень доверия к некоммерческим организациям, включая правозащитные, оставался в 2024 году относительно невысоким и составлял около 55%, причем основными причинами недоверия называются непрозрачность деятельности и опасения в нецелевом использовании средств. В этих условиях рост обращений граждан к уполномоченным по правам человека – с более чем 93 тысяч в 2023 году до свыше 126 тысяч в 2024 году – может косвенно свидетельствовать не только о росте доверия к данному институту, но и о недостаточной эффективности или доступности традиционных судебных и правоохранительных механизмов. Исторически обусловленное восприятие власти и закона как враждебных сил, усугубляемое отсутствием системного правового воспитания, завершает эту негативную картину. В совокупности эти эмпирические данные рисуют портрет правовой культуры, для которой характерны пассивность, недоверие и глубокая неуверенность граждан в своей способности эффективно отстаивать права в правовом поле.

Осознание остроты проблемы на государственном уровне нашло отражение в разработке Стратегии развития воспитания в РФ до 2025 года, которая определяет приоритеты политики в области воспитания детей. В качестве ключевой задачи стратегия предполагает обеспечение поддержки семейного воспитания, что подразумевает содействие ответственному отношению родителей к воспитанию детей и повышение их педагогической компетентности. В контексте высшей школы актуализируется необходимость целенаправленного правового воспитания студенческой молодежи, которое рассматривается как одна из основ формирования гражданского общества.[4]

Такие статистические данные и социологические замеры не просто констатируют масштабы правового нигилизма, но и вскрывают его системные предпосылки, коренящиеся в культурных моделях и дефиците правового воспитания.

На основе проведенного исследования, следует перейти к выработке конкретных мер по преодолению правового нигилизма и формированию правовой культуры в России. Преодоление правового нигилизма требует системного подхода, сочетающего совершенствование законодательства и правоприменительной практики с масштабной работой по правовому просвещению граждан. Ключевым направлением является обеспечение

[3] Правовая грамотность россиян на пути к гражданскому обществу – 2020 [Электронный ресурс] // НАФИ. – URL: https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitie/pravovaya-gramotnost-rossiyan-na-puti-k-grazhdanskomu-obshchestvu-2020/ (дата обращения: 30.11.2025).

[4] Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/ (дата обращения: 30.11.2025).

неотвратимости ответственности за правонарушения, что предполагает последовательную борьбу с коррупцией и повышение независимости судебной системы.

Особое значение приобретает повышение качества законотворческой деятельности. Противоречивость и нестабильность законодательства, наличие так называемых “заказных” законов подрывают саму идею верховенства права. Необходимо внедрение научной экспертизы законопроектов, расширение практики общественного обсуждения, обеспечение системности и непротиворечивости правового регулирования. В исследованиях, посвященных правовой культуре, важнейшим атрибутом демократии и правовой культуры является верховенство закона, а для его утверждения в обществе необходимо не просто понимание, но и глубокое осознание права как социальной ценности [6].

Важнейшим инструментом преодоления правового нигилизма является правовое просвещение и образование. Целесообразно внедрение курсов правовой грамотности на всех уровнях образования – от школы до вуза. Современные цифровые технологии открывают новые возможности для популяризации правовых знаний через интернет и СМИ. Особое внимание следует уделить программам правового воспитания молодежи, поскольку именно в молодом возрасте формируются основные правовые установки и ценностные ориентации. Как подчеркивает Бордакова А.В., “правовое воспитание должно начинаться с раннего детства и продолжаться на протяжении всей жизни человека” [7, 35].

Эффективным направлением представляется развитие системы бесплатной юридической помощи, создание доступных правовых ликбезов для населения, поддержка общественных инициатив в сфере правового просвещения. Значительный потенциал содержит использование возможностей культурных институтов – библиотек, музеев, учреждений дополнительного образования – для распространения правовых знаний. Этот комплексный подход направлен на реализацию сущностной задачи формирования правовой культуры, которую В.П. Сальников определял как “процесс органичного врастания права в ткань общественной жизни” [8].

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать системный характер правового нигилизма в современном российском обществе. Это сложное социально-правовое явление имеет глубокие исторические корни и проявляется на различных уровнях – от бытового до институционального. Анализ социологических данных демонстрирует устойчиво низкий уровень доверия к правовым институтам и распространенность установок на возможность обхода закона. Преодоление правового нигилизма требует комплексного подхода, включающего как совершенствование законодательства и правоприменительной практики, так и масштабную работу по правовому просвещению и воспитанию. Формирование правовой культуры представляет собой длительный и сложный процесс, требующий согласованных усилий государства и гражданского общества. Только через воспитание уважения к праву и формирование привычки руководствоваться законом в повседневной жизни можно преодолеть правовой нигилизм и обеспечить условия для построения правового государства в России.

Библиографический список

1. Туманов В.А. О правовом нигилизме / В.А. Туманов // Советское государство и право. – 1989. – № 10. – С. 20–27.

2. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» / Н.И. Матузов // Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 3–11.

3. Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни / Н.И. Матузов // Вестник СГЮА. – 2012. – № 4 (87). – С. 19–24. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-nigilizm-kak-obraz-zhizni (дата обращения: 27.11.2025).

4. Ксенофонтов В.Н. М.А. Бакунин о генезисе и эволюции государства (социально-философский анализ) / В.Н. Ксенофонтов // Социально-политические науки. – 2020. – № 6. – С. 34–38. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/m-a-bakunin-o-genezise-i-evolyutsii-gosudarstva-sotsialno-filosofskiy-analiz (дата обращения: 28.11.2025).

5. Зрячкин А.Н. Повышение правовой и политической культуры госслужащих как условие преодоления ведомственного правового нигилизма / А.Н. Зрячкин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 4 (105). – С. 25–29. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21072066 (дата обращения: 28.11.2025).

6. Третьякова О.В. Правовая культура как необходимый элемент демократического миропорядка / О.В. Третьякова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 4. – С. 55–59. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-kak-neobhodimyy-element-demokraticheskogo-miroporyadka (дата обращения: 29.11.2025).

7. Бордакова А.Г. Реализация правового воспитания в Российской Федерации: проблемы и пути их решений / А.Г. Бордакова // Юридическая наука. – 2024. – № 7. – С. 26–30. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-pravovogo-vospitaniya-v-rossiyskoy-federatsii-problemy-i-puti-ih-resheniy (дата обращения: 29.11.2025).

8. Сальников В.П. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании / В.П. Сальников, М.В. Сальников // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3 (37). – С. 21–28. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-i-pravovaya-traditsiya-v-ih-kategorialnom-sootnoshenii-i-ponimanii (дата обращения: 01.12.2025).

УДК 343.2

Буткова Полина Витальевна
студент 2 курса очной формы обучения направления подготовки
40.03.01 Юриспруденция
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридической академия»
Балаковский филиал
Россия, г. Балаково
e-mail: polly.but06@gmail.com

Уголовно-правовое воздействие и его структурные элементы

Аннотация

Статья посвящена теоретическому осмыслению уголовно-правового воздействия как ключевой категории для понимания механизма реализации норм уголовного закона. В работе обосновывается выделение структурных элементов уголовно-правового воздействия: уголовная ответственность, уголовное наказание, поощрительные и восстановительные нормы и иные меры уголовно-правового характера, также характеризуются системная связь этих элементов и их функциональное значение в достижении целей уголовного права.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, уголовное наказание, уголовная ответственность, восстановительные и поощрительные меры, иные меры уголовно-правового характера.

Butkova Polina Vitalyevna
2nd year student of study 40.03.01 Jurisprudence
Balakovo branch of Saratov State Law Academy
Balakovo, Russia
e-mail: polly.but06@gmail.com

Criminal Law Influence and Its Structural Elements

Abstract

The article is devoted to a theoretical understanding of criminal law influence as a key category for comprehending the mechanism of implementing the norms of criminal law. The work substantiates the identification of structural elements of criminal law influence: criminal liability, criminal punishment, incentive and restorative norms, and other measures of a criminal-legal nature. It also characterizes the systemic connection of these elements and their functional significance in achieving the goals of criminal law.

Keywords: criminal law influence, criminal punishment, humanism in criminal law, criminal liability, restorative norms, incentive measures, compulsory medical measures, confiscation of property, judicial fine, crime prevention.

В современном мире основой обеспечения законности и порядка является уголовно-правовое воздействие. В период осуществления реформы уголовного законодательства, в то время как активно обсуждается баланс между карательными и восстановительными

функциями права, а также наблюдается стремление к гуманизации уголовной политики, особую актуальность приобретает системный анализ способов, которыми руководствуется уголовный закон при воздействии на общественные отношения.

В настоящее время в науке отсутствует единое понимание уголовно-правового воздействия. Большинство исследователей упрощает это понятие до узкого понятия “уголовное наказание”, что не является полноценным пониманием, поскольку не учитываются иные меры уголовно-правового характера, имеющие важную роль. Уголовно-правовое воздействие обладает сложной системой, несущей в себе не только карательные, но и поощрительные и принудительные методы.

Целью настоящей статьи является теоретическое осмысление понятия «уголовно-правовое воздействие» и детальный анализ его структурных элементов.

В российском уголовном праве нет единого определения уголовно-правового воздействия. В широком смысле можно считать его как системное влияние норм уголовного права на человека и общественные отношения в целом с целью профилактики преступлений, охраны прав и законных интересов личности, общества и государства.

Некоторые юристы принимают уголовно-правовое воздействие и уголовно-правовое регулирование за весьма смежные понятия, что не совсем верно. Уголовно-правовым регулированием является восстановление порядка в общественных отношениях, который существовал до совершения человеком преступления. Воздействие, в свою очередь, более широкая категория. Оно включает в себя не только регулирование (например, установление уголовно-правового запрета), но и воспитательное и принудительное влияние, реализуемое через правоприменение санкций.

Цели уголовно-правового воздействия, раскрывающие его сущность, пропорциональны задачам уголовного закона, которые содержатся в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ): охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Из этого сможно сделать вывод, что суть уголовно-правового воздействия отнюдь не только карать, но также восстанавливать и предупреждать преступные действия человека.

Структура уголовно-правового воздействия имеет сложное строение и включает в себя такие взаимосвязанные элементы, как: уголовная ответственность, уголовное наказание, поощрительные и восстановительные нормы и иные меры уголовно-правового характера.

Уголовная ответственность влечет в себе негативные последствия для преступника, которые выражаются в конкретных лишениях, закрепленных в уголовном законе и применяемых исключительно государством. Применение уголовной ответственности позволяет предупреждать преступные деяния, перевоспитать и направить осужденного на верный путь, формируя социальные качества. Ответственность выступает основой системы, так как именно она служит правовым основанием для последующего воздействия.

Следующим элементом уголовно-правового воздействия является уголовное наказание. Согласно ст. 43 УК РФ наказанием является мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание выступает как основная форма реализации уголовной ответственности. Данный элемент является негативным аспектом в системе уголовно-правового воздействия, так как может ограничивать или лишать прав и свобод преступника. Система уголовно-правового воздействия предусматривает и положительные элементы.

Поощрительные или восстановительные нормы можно выделить как отдельный элемент уголовно-правового воздействия. В.В. Нырков считает поощрительные меры наряду с наказанием средствами для достижения целей права. Нормы УК РФ о примирении с потерпевшим, деятельном раскаянии склоняет человека к недевиантным, позитивном поступкам, что, в свою очередь, ведет к стабилизации общества и минимализации вреда от преступных посягательств.

Иные меры уголовно-правового характера не входят в систему наказаний, поскольку не содержат как такового карательного элемента. Так, согласно ст. 98 УК РФ целями применения принудительных мер медицинского характера являются излечение лиц..., или улучшение его психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний. Такие меры назначаются для людей, совершивших преступление в невменяемом состоянии, имеющим различные психиатрические заболевания. К данной категории мер относится и судебный штраф, который назначается лицу при совершении противоправного деяния при определенных обстоятельствах. Также существует такая мера уголовно-правового характера, как конфискация имущества, которая предполагает безвозмездное изъятие приобретенной от преступной деятельности собственности. Стоит отметить, что данные меры не влекут за собой судимость и являются наиболее гуманными во всей системе.

Уголовно-правовое воздействие представляет собой сложную систему. Данное явление содержит в себе все формы взаимодействия государства и преступника. Воздействие заключается как в негативных, так и в позитивных аспектах, стимулирующих правомерное поведение человека. Такой подход наиболее точно отражает сущность уголовного права.

Уголовная ответственность является стержнем всей системы, который выражает порицание государством преступные действия человека. Уголовное наказание является карательным элементом, но цель его совсем не кара, а исправление человека. Поощрительные и восстановительные нормы выступают “пряником” уголовного наказания, поскольку побуждают человека не совершать преступления с помощью позитивных методов. Иные меры уголовно-правового характера являются дополнительным звеном, которое предоставляет индивидуализацию воздействия и позволяет исключить судимость в определенных случаях. Все эти элементы балансируют друг друга, создавая более гуманную и справедливую уголовную систему в нашем государстве.

Библиографический список

1. Бархатова Е. Н. Уголовно-правовое воздействие: особенности, формы, вопросы реализации // Пенитенциарная наука, 2022. Т. 16. № 3 (59). С. 254-262 dol: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.003.

2. Ростокинский А. В., Аккаева Х. А. Некоторые размышления о мерах уголовно-правового воздействия как элементе системы противодействия преступности // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 1. С. 199-202.

3. Балафендиев А. М., Мифтахов А. М., Рамадан М. Д. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия // Уголовно-правовые науки. 2023. Т. 1. С. 114-120. DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_114

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025

УДК 343.2

Гудкова Виктория Валерьевна
студент 2 курса очной формы обучения направления подготовки
40.03.01 Юриспруденция
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридической академия»
Балаковский филиал
Россия, г. Балаково
e-mail: vqvhhhs@mail.ru

Уголовно-правовое предупреждение преступных посягательств на половую неприкосновенность и половую свободу личности

Аннотация

В рамках написания настоящей статьи будут рассмотрены актуальные вопросы, связанные с уголовно-правовым предупреждением преступлений сексуального характера. Кроме того, будут рассмотрены основные понятийные и теоретические аспекты сексуальных посягательств в Российской Федерации, охраняемых уголовным законодательством.

Ключевые слова: охрана личности, сексуальные посягательства, половая неприкосновенность, уголовно-правовая характеристика, половая свобода личности.

Gudkova Victoria Valerievna
2nd year student of study 40.03.01 Jurisprudence
Balakovo branch of Saratov State Law Academy
Balakovo, Russia
e-mail: vqvhhhs@mail.ru

Criminal law prevention of criminal encroachments on sexual integrity and sexual freedom of personality

Abstract

As part of writing this article, topical issues related to the criminal prevention of sexual crimes will be considered. In addition, the main conceptual and theoretical aspects of sexual assaults in the Russian Federation, protected by criminal law, will be considered.

Keywords: personal protection, sexual assaults, sexual integrity, criminal law characteristics, sexual freedom of the individual.

Система уголовно-правовых норм, направленных на предупреждение преступлений сексуального характера, представляет собой фундаментальный компонент механизма защиты конституционных прав и свобод граждан. Высокая степень общественной опасности данных преступлений обусловлена тем, что они посягают на комплексный объект, включающий в себя не только физическое и психическое здоровье, но и такие нематериальные блага, как личное достоинство, половая неприкосновенность и половая свобода.

С доктринальной точки зрения, под сексуальным посягательством следует понимать противоправное деяние, нарушающее половую неприкосновенность или половую свободу

другого лица вопреки его воле, совершаемое с целью удовлетворения сексуальных потребностей виновного. Способы совершения таких преступлений многообразны и не исчерпываются исключительно физическим насилием. К ним также относится применение психологического принуждения, включая угрозы, шантаж или использование служебной зависимости, а равно использование беспомощного состояния потерпевшего лица, которое в силу интоксикации, заболевания или иного состояния не способно понимать характер совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление [2, с. 105].

Особую группу составляют посягательства, совершаемые в отношении несовершеннолетних, чей правовой статус предполагает повышенную уголовно-правовую защиту ввиду их возрастной и психофизиологической незрелости, не позволяющей в полной мере осознавать характер и последствия совершаемых в отношении них действий. Кроме того, в сферу уголовно-правовой охраны входят и смежные составы преступлений, направленные на защиту общественной нравственности, такие как организация занятия проституцией, а также незаконное изготовление и оборот порнографических материалов.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации содержит систему специальных норм, обеспечивающих охрану половой неприкосновенности и половой свободы личности. Центральное место в данной системе занимает состав изнасилования, предусмотренный статьей 131 УК РФ, под которым понимается половое сношение, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей, а равно с использованием ее беспомощного состояния. Наряду с ним, законодатель криминализировал насильственные действия сексуального характера, предусмотренные статьей 132 УК РФ [1, с. 654].

Диспозиция данной статьи охватывает более широкий спектр деяний (мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера), объединенных тем же насильственным способом совершения. В свою очередь, состав понуждения к действиям сексуального характера, предусмотренный статьей 133 УК РФ направлен на защиту половой свободы от посягательств, не сопряженных с физическим насилием, но осуществляемых путем шантажа, угрозы уничтожением имущества либо использования материальной или иной зависимости потерпевшего лица [4, с. 279].

Особую группу в системе преступлений против половой неприкосновенности образуют составы, посягающие на нормальное психо-сексуальное развитие несовершеннолетних, что обусловлено их повышенной уязвимостью. Статья 134 УК РФ устанавливает ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, то есть возраста сексуального согласия, независимо от наличия добровольного согласия последнего [3, с. 46].

Завершает данную группу состав развратных действий, предусмотренных статьей 135 УК РФ, который криминализирует совершение в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, действий сексуального характера без применения насилия, но направленных на удовлетворение сексуального влечения виновного. Объектом уголовно-правовой охраны здесь выступает нормальное нравственное и психическое развитие ребенка, а не его физическая неприкосновенность.

Дифференциация уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности осуществляется посредством системы квалифицирующих признаков, наличие которых свидетельствует о повышенной степени общественной опасности содеянного.

К таким обстоятельствам, отягчающим наказание, законодатель относит совершение деяния группой лиц, применение оружия, наступление тяжких последствий (вплоть до смерти потерпевшего), а также совершение преступления в отношении лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Наличие данных признаков является основанием для назначения судом более строгих мер наказания, вплоть до пожизненного лишения свободы.

Вместе с тем, вся правоприменительная практика в данной чувствительной сфере строится на неукоснительном соблюдении фундаментальных общеправовых и отраслевых принципов. Принцип законности исключает возможность привлечения лица к уголовной ответственности в отсутствие прямого указания на состав преступления в законе. Принцип презумпции невиновности гарантирует, что бремя доказывания вины лежит на стороне обвинения. Принцип равенства всех перед законом обеспечивает беспристрастное рассмотрение дела вне зависимости от пола, расы и социального положения его участников. Наконец, принцип уважения частной жизни устанавливает пределы государственного вмешательства в сферу личных взаимоотношений граждан, гарантируя свободу выбора и защищая личную тайну.

Таким образом, действующее российское уголовное законодательство формирует комплексный механизм охраны личности от сексуальной эксплуатации и насилия, направленный на защиту ее чести, достоинства и физической безопасности. Данный механизм призван обеспечивать баланс между защитой интересов потерпевших и общества, с одной стороны, и строгим соблюдением конституционных прав и свобод всех участников уголовного судопроизводства, с другой, гарантируя неотвратимость ответственности за совершенное преступление при доказанности вины.

Библиографический список

1. Лузин, Т. А. Понятие изнасилования в зарубежных странах: что стоит заимствовать России? / Т. А. Лузин // Актуальные вопросы публичного права : Материалы XX Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 17–18 ноября 2022 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2022. – С. 653-660.

2. Гусарова, М. В. Понятийный аппарат преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности по Уголовному кодексу Российской Федерации / М. В. Гусарова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 1(99). – С. 104-110.

3. Волкова, Н. А. Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / Н. А. Волкова, В. В. Слепова // Тенденции развития науки и образования. – 2018. – № 37-3. – С. 45-47.

4. Новоселова, А. А. Эволюция ответственности за понуждение к действиям сексуального характера в отечественном уголовном праве / А. А. Новоселова // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности : Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 04–06 декабря 2023 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2024. – С. 276-281.

УДК 343.2

Кулишова Дарья Михайловна
студент 2 курса очной формы обучения направления подготовки
40.03.01 Юриспруденция
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридической академия»
Балаковский филиал
Россия, г. Балаково
e-mail: kulisovadara8@gmail.ru

Уголовное наказание как ведущее средство уголовно-правового воздействия

Аннотация

В данной статье проводится комплексный анализ уголовного наказания как центрального института уголовного права и его системного взаимодействия с иными мерами уголовно-правового характера. Актуальность темы обусловлена постоянным развитием уголовной политики, поиском оптимального баланса между карательными и восстановительными подходами. Цель – определить сущностные признаки уголовного наказания и его функциональную роль в системе средств уголовно-правового воздействия. Задача – доказать, что иные меры наказания, являются не альтернативой наказанию, а дополнительными, специализированными инструментами, образующими вместе с ним единый механизм достижения целей уголовного закона.

Ключевые слова: уголовное наказание, восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение преступлений, иные меры уголовно-правового характера, уголовно-правовое воздействие.

Kulishova Darya Mikhailovna.
2nd year student of study 40.03.01 Jurisprudence
Balakovo branch of Saratov State Law Academy
Balakovo, Russia
e-mail: kulisovadara8@gmail.ru

Criminal punishment as the leading means of criminal-legal influence

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of criminal punishment as a central institution of criminal law and its systemic interaction with other criminal law measures. The relevance of the topic is due to the constant development of criminal policy, the search for the optimal balance between punitive and restorative approaches. The purpose is to determine the essential features of criminal punishment and its functional role in the system of means of criminal legal influence. The task is to prove that other punishments are not an alternative to punishment, but additional, specialized tools that together form a single mechanism for achieving the goals of the criminal law.

Keywords: criminal punishment, restoration of social justice, correction of the convicted person, prevention of crimes, other measures of a criminal-legal nature, criminal-legal impact.

Оставаясь фундаментальной уголовно-правовой категорией, наказание продолжает выполнять важную роль в системе мер борьбы с преступностью. Его суть раскрывается в ч. 1 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ): «Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица» [1].

Для ещё более точного понимания определения «уголовное наказание» необходимо чёткое формулирование и выявление его целей. И.С. Ной отмечает, что от его решения зависит не только построение многих институтов этой отрасли права, но и целеустремлённое применение самого уголовного законодательства [2]. Таким образом, можно констатировать, что наказание играет ведущую роль в системе уголовно-правовых мер воздействия.

Согласно действующему законодательству, назначение уголовного наказания - это самоцель. Его применение ориентировано на конкретные положительные результаты. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ, наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений [3]. Таким образом, можно выделить три основные цели наказания:

1. *Восстановление социальной справедливости*; достигается путём назначения соразмерного содеянному наказания, которое учитывает, как обстоятельства преступления и личность виновного, так и интересы потерпевшего, обеспечивая тем самым принцип неотвратимости ответственности и восприятие исхода дела как справедливого.
2. *Исправление осужденного*; согласно ст. 9 УИК РФ исправление осужденных - это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения [3]. Следовательно, данная цель представляет собой результат исправления осужденного, при котором он больше не может представлять угрозы для общества и его дальнейшее поведение становится безопасным для общества.
3. *Предупреждение совершения новых преступлений*; эта общая цель раскрывается через воздействие на конкретного человека, уже совершившего преступление, чтобы у него не возникло желания или возможности сделать это снова, а также через воздействие на всё общество, на потенциальных правонарушителей, демонстрируя неотвратимость и строгость уголовной ответственности.

Таким образом, цели уголовного наказания помогают определить его социально-правовое назначение, поскольку цель – «предмет стремления, (или) то, что надо…осуществить» [4].

Уголовно-правовое воздействие не ограничивается только наказанием. Современный уголовный закон предусматривает целый комплекс мер, которые, не являясь наказанием, считаются средствами борьбы с преступностью. В научной доктрине не сформировалось единого мнения относительно определения мер уголовно-правового воздействия. Изучение различных точек зрения показывает, что все они едины в одном: данные меры представляют собой ответ государства на совершение преступлений. Так, А.С. Пунигов под мерами уголовно-правового воздействия понимает «Установленные уголовным законом, ограничивающие права и свободы человека принудительные меры карательного, воспитательного и корректирующего воздействия, применяемые за совершение деяний, запрещённых в УК РФ, в целях охраны общественных отношений и предупреждения преступной деятельности» [5]. Несмотря на то, что уголовное наказание – основная форма реализации уголовной ответственности, невозможно признать, что оно является единственно

возможным. Таким образом, система уголовно-правового воздействия является комплексной и включает наряду с наказанием иные меры, которые выполняют специализированные функции, что позволяет подходить к вопросам ответственности с учётом характера и степени общественной опасности и личности виновного. Уголовное наказание выступает центральным, основным элементом в системе средств уголовно-правового воздействия. Именно через него в наиболее полной мере реализуются цели уголовного закона. Место наказания в системе определяется ролью основного средства борьбы с преступлениями, а иные меры служат альтернативой наказанию (для несовершеннолетних), либо его дополнением (конфискация, меры медицинского характера), либо заменой в случаях, когда цели уголовной ответственности не могут быть достигнуты применением кары (в отношении невменяемых).

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025).
2. Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. - Саратов, 1973. - 192 с.
3. Уголовно - исполнительный кодекс Российской федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 07.04.2025).
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1999. 994 с.
5. А. С. Пунигов «Иные меры уголовно-правового характера (понятие, виды, общая характеристика)» (М., 2009).

УДК 347.2

Фицковская Яна Вадимовна
студент 1 курса очной формы обучения направления подготовки
40.03.01 Юриспруденция
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридической академия»
Балаковский филиал
Россия, г. Балаково
e-mail: yanafisk@mail.ru

Проблемы двусторонней реституции в сделках с недвижимостью, совершенных под влиянием обмана: анализ судебной практики

Аннотация

Статья посвящена анализу проблем применения института двусторонней реституции к сделкам с недвижимостью, совершенным под влиянием обмана. На основе анализа судебной практики и доктринальных положений гражданского права исследуются противоречия, возникающие при восстановлении первоначального имущественного положения сторон. Особое внимание уделяется вопросу о неприменимости правил о добросовестном приобретателе в рамках кондикционной природы реституционных требований. Доказывается, что эффективность механизма двусторонней реституции на практике существенно ограничена и зависит от ряда благоприятных обстоятельств, что снижает его защитный потенциал для потерпевших сторон.

Ключевые слова: двусторонняя реституция, недействительность сделки, обман, сделки с недвижимостью, судебная практика.

Fitskovskaia Iana Vadimovna
1st year student of study 40.03.01 Jurisprudence
Balakovo branch of Saratov State Law Academy
Balakovo, Russia
e-mail: yanafisk@mail.ru

Problems of bilateral restitution in real estate transactions induced by fraud: analysis of judicial practice

Abstract

The article is devoted to the analysis of problems associated with the application of the institution of bilateral restitution to real estate transactions induced by fraud. Based on the study of judicial practice and doctrinal provisions of civil law, the contradictions arising in the process of restoring the parties' original proprietary position are examined. Particular attention is paid to the inapplicability of the rules on a bona fide acquirer within the condictio basis of restitutionary claims. It is proven that the effectiveness of the bilateral restitution mechanism is significantly limited in practice and depends on a number of favorable circumstances, which reduces its protective potential for injured parties.

Keywords: bilateral restitution, invalidity of a transaction, fraud, real estate transactions, judicial practice.

Развитие гражданского оборота недвижимости в Российской Федерации, с одной стороны, способствует экономической активности, а с другой - порождает множество правовых рисков, среди которых особое место занимает мошенничество.

Согласно российскому гражданскому законодательству, обман является основанием для признания ничтожности сделки согласно ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) и представляет собой сложный юридический институт, состоящий из нескольких тесно связанных друг с другом компонентов [1].

Прежде всего, обман квалифицируется как нарушение закона и проявляется либо в предоставлении заведомо недостоверной информации, либо в намеренном сокрытии важных фактов, которые могли повлиять на решение контрагента при заключении соглашения. К таким фактам относятся, например, незаявленные недостатки товара, существующие ограничения прав на него или права других лиц. Кроме того, необходимо наличие прямой связи между действиями недобросовестного участника и принятым волеизъявлением потерпевшей стороны - истец должен убедительно продемонстрировать, что сделка не состоялась бы или была бы заключена на совершенно иных условиях, если бы не мошеннические действия другой стороны договора [2].

Особый интерес в контексте субъектного состава представляет ситуация, регламентированная ст. 179 ГК РФ, когда обман исходит от третьего лица. В этом случае для успешного оспаривания сделки необходимо установить, что контрагент потерпевшего знал или, исходя из обстоятельств дела, должен был знать о факте обмана. Осведомленность участника договора презюмируется, в частности, если третье лицо, совершившее обман, действовало в качестве его представителя, работника или иного лица, содействовавшего в заключении сделки. Это означает, что виновник сознательно действует или бездействует с целью ввести оппонента в заблуждение, понимая последствия своих поступков и намереваясь причинить материальный вред.

Специфика применения принципа взаимного восстановления сторон в сделках, заключенных вследствие обмана, определяется специальными правовыми механизмами защиты, предусмотренными п. 4 ст. 179 ГК РФ. В соответствии с этой нормой, пострадавшая сторона имеет право на компенсацию понесенных убытков, а также на возложение ответственности за риск случайной утраты или повреждения объекта сделки на лицо, совершившее обман.

Доказанность всех вышеперечисленных элементов состава противоправного деяния, причинно-следственной связи, вины в форме прямого умысла и осведомленности контрагента в соответствующих случаях, является безусловным основанием для признания судом такой сделки недействительной (оспоримой) по иску потерпевшей стороны.

Общим последствием недействительности сделки в соответствии с п. 2 ст. 167 ГК РФ является двусторонняя реституция (от лат. *restitutio*), под которой понимается возврат сторон в то имущественное положение, которое существовало до момента совершения данной сделки. Эти нормы, носящие общий характер, применяются изолированно от системы традиционных цивилистических институтов, хотя этого недостаточно для урегулирования сложных имущественных последствий недействительности сделки. Такой механизм возврата используется без соотнесения с ключевыми началами гражданского права, такими как

распределение рисков, условия наступления ответственности и правила изъятия имущества у добросовестного приобретателя.

В доктрине гражданского права (К.И. Скловский, Д.О. Тузов и др.) обосновывается позиция, согласно которой реституционный иск, предусмотренный ст. 167 ГК РФ, обладает самостоятельной природой [3; 4]. Данная конструкция не сводится исключительно к виндикации, демонстрируя существенное сближение с кондикционными исками (гл. 60 ГК РФ). Из указанной теоретической посылки следует важный практический вывод. Поскольку кондикция, в отличие от виндикации, не оперирует категорией добросовестности приобретателя, к требованиям о применении последствий недействительности сделки в виде реституции становятся неприменимы нормы ст. 302 ГК РФ. На практике это приводит к тому, что суды при удовлетворении реституционных требований в отношении имущества, находящегося у третьих лиц, зачастую не исследуют добросовестность его приобретателя. Таким образом, последовательное признание кондикционной природы реституции исключает применение механизма защиты добросовестного приобретателя, что обеспечивает единообразие и предсказуемость последствий недействительности сделки.

Законодатель предусматривает два основных способа реализации двусторонней реституции. Первичным является восстановление первоначального положения сторон путем возврата, всего полученного по недействительной сделке. В рамках договора купли-продажи недвижимости это означает обязанность продавца вернуть покупную цену, а покупателя – передать недвижимое имущество обратно. Если же материальный возврат невозможен из-за использования, разрушения, существенного изменения имущества, или если предметом обязательства являлось оказание услуг (выполнение работ), применяется вторичный способ – компенсационная реституция. Цель данного подхода – обеспечить эквивалентное имущественное восстановление сторон в ситуации, когда возврат в натуре объективно невозможен.

В связи с этим, законодательство создает четко определенный порядок защиты интересов стороны, пострадавшей от нарушения, объединяющий принцип полного восстановления с возможностью получения компенсации, но практическое применение данного механизма часто осложняется трудностями толкования норм права и возникающими противоречиями, особенно в таких сферах оборота, как операции с недвижимостью.

Анализ судебных дел служит не только подтверждением указанных теоретических сложностей, но и источником для выявления практических проблем применения двусторонней реституции.

В деле № А40-99464/23-21-774 анализируется проблема доказывания причинно-следственной связи между умолчанием продавца и волей контрагента по ст. 179 ГК РФ. Постановлением суда было установлено, что намеренное сокрытие важной информации о серьезных дефектах объекта продажи профессиональным продавцом равносильно обману. Положительный исход судебного разбирательства стал возможным благодаря представлению бесспорных вещественных доказательств (результатам экспертизы), подтвердивших факт обмана и позволивших применить процедуру двусторонней реституции [5].

Представленный случай можно рассматривать как схематическую иллюстрацию оптимальных условий для реституции: наличие неопровержимых доказательств обмана (введение в заблуждение), отсутствие участия добросовестного приобретателя и недобросовестность контрагента. Тем временем, на практике эффективность этого механизма зачастую снижается под влиянием внешних факторов. Ключевым из них является последующая перепродажа имущества добросовестному приобретателю. В подобных

ситуациях нормативный режим, установленный ст. 167 ГК РФ, оказывается недостаточно эффективным, требуя более сложных механизмов защиты прав.

В итоге, рассмотренное дело выявляет систематическую проблему института реституции: успешная реализация на практике возможна только при совпадении ряда благоприятных обстоятельств, что значительно сужает возможности его использования для защиты прав заинтересованных лиц.

Следует отметить, что в стандартных ситуациях, не отягощенных участием добросовестных приобретателей или последующей перепродажей имущества, механизм двусторонней реституции демонстрирует свою эффективность.

Показательным примером является дело № 2-1402/2025. Суд признал ничтожным пункт договора оказания социальных услуг, ущемляющий права потребителя, и в рамках применения последствий недействительности части сделки (п. 2 ст. 167 ГК РФ), вынудил исполнителя вернуть плату за неоказанные услуги. Данный случай иллюстрирует схему действенной реституции: наличие прямого нарушения закона, отсутствие спора о добросовестности и невозможность оказания услуги в силу объективных обстоятельств (смерти получателя услуги) позволили быстро и предсказуемо восстановить имущественное положение потерпевшей стороны [6].

Вместе с тем, в правоприменительной практике встречаются ситуации повышенной сложности, в которых применение стандартного механизма не обеспечивает достижения целей правового регулирования.

В контексте рассматриваемой проблемы представляет интерес анализ дела № 33-35100/2025, которое иллюстрирует системную проблему, связанную с применением механизма двусторонней реституции, предусмотренного ст. 167 ГК РФ [7].

Стандартный механизм возврата, полученного по сделке, оказался невозможен, поскольку денежные средства, уплаченные добросовестным покупателем, не были получены первоначальным собственником, а были похищены третьими лицами. Применение ст. 167 ГК РФ в полном объеме привело бы к обязанности потерпевшей вернуть деньги, которых она не получала, что означало бы возложение на нее убытков от преступления. Также была отмечена проблема конкуренции оснований недействительности и их влияния на последствия. Суд признал сделку недействительной по ст. 178 ГК РФ, что позволило установить отсутствие истинной воли на отчуждение имущества у потерпевшей и не требовало доказывания полной неспособности понимать значение своих действий, как при применении ст. 177 ГК РФ. В рамках дела была рассмотрена и проблема защиты добросовестного приобретателя по ст. 302 ГК РФ. Покупатель был признан добросовестным, однако норма о виндикации была признана неприменимой, поскольку имущество было приобретено непосредственно у собственника, а не у лица, не имевшего права на его отчуждение.

В результате, добросовестность покупателя в данном случае не защищается за счет собственника, ставшего жертвой преступления. Важным аспектом решения явилось разграничение гражданско-правовых и уголовно-правовых последствий. Суд восстановил статус-кво в отношении права на недвижимость в рамках гражданского судопроизводства, а вопрос о возмещении денежного ущерба был оставлен на разрешение в рамках уголовного дела, где ответственность несут непосредственные виновные лица. Рассмотрение представленной практики свидетельствует, что в сложных ситуациях, связанных с противоправными действиями третьих лиц, категоричное применение института реституции может быть проблематичным. В подобном случае правоприменительная практика демонстрирует гибкий подход, отступая от принципа полной двусторонней реституции в

целях справедливого распределения рисков и достижения баланса охраняемых законом интересов.

Проведенный анализ позволяет утверждать о двойственной природе института двусторонней реституции как последствия недействительности сделок, совершенных под влиянием обмана.

Теоретически, будучи основанным на кондикционной модели (ст. 167 ГК РФ), данный институт призван обеспечить единообразие и предсказуемость, гарантируя полное восстановление имущественного положения потерпевшего.

Между тем на практике, особенно в сфере оборота недвижимости, его эффективность оказывается ограниченной. Реализация реституции ставится в зависимость от ряда условий: возможности доказать обман, отсутствия в цепочке отчуждения добросовестного приобретателя и сохранности предмета сделки. В сложных случаях (при последующей перепродаже, действиях третьих лиц) жесткое применение общих правил о двусторонней реституции зачастую невозможно или приводит к несправедливым последствиям, что вынуждает судебную практику искать гибкие подходы.

Таким образом, выявленный системный разрыв между теоретической конструкцией и потребностями правоприменения свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования данного механизма, будь то через законодательную корректировку или развитие дифференцированных судебных доктрин.

Библиографический список

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. N 48 "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" (с изменениями и дополнениями от 29.06.2021; 15.12.2022)
3. Скловский К. И. Некоторые проблемы реституции // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2002. № 8. С. 108–122.
4. Тузов Д. О. Реституция и виндикация: проблемы соотношения // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2002. № 3. С. 115–135.
5. Решение Арбитражного суда города Москвы от 31.08.2023 по делу № А40-99464/23-21-774. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/rjey6IWLPXUm/
6. Решение № 2-1402/2025 2-1402/2025~М-760/2025 М-760/2025 от 28 апреля 2025 г. по делу № 2-1402/2025: Белгородский районный суд (Белгородская область). URL: https://sudact.ru/regular/doc/aBBAikS6tpJl/
7. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 08.09.2025 по делу № 33-35100/2025. URL: https://m.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/eb60a1b1-5c90-11f0-8173-2d7bfd38fc31

УДК 34.09

Гасанова Снежана Лазаревна
студент 2 курса очной формы обучения направления подготовки
40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридической академия»
Балаковский филиал
Россия, г. Балаково
e-mail: snezhanagasanova8@yandex.ru

Правовое регулирование кибербезопасности в России: анализ, проблемы, перспективы

Аннотация

В статье представлен комплексный анализ эволюции и современного состояния правового регулирования кибербезопасности в Российской Федерации. Исследованы ключевые законодательные акты, формирующие основу национальной системы противодействия киберугрозам, включая защиту критической информационной инфраструктуры (КИИ) и персональных данных. На основе данных официальной статистики выявлены системные проблемы правоприменительной практики: фрагментированность нормативной базы, кадровый дефицит, низкая эффективность защиты персональных данных и недостатки межведомственной координации. Особое внимание уделено влиянию политики импортозамещения на отечественный рынок средств защиты информации. Сформулированы прогностические выводы и рекомендации по гармонизации законодательства, усилению роли профильных государственных органов и развитию международного сотрудничества с учетом принципа цифрового суверенитета.

Ключевые слова: кибербезопасность, правовое регулирование, критическая информационная инфраструктура, персональные данные, импортозамещение, киберпреступность.

Gasanova Snezhana Lazarevna
2nd year student of study 40.05.04 Judicial and Prosecutorial Activity
Balakovo branch of Saratov State Law Academy
Balakovo, Russia
e-mail: snezhanagasanova8@yandex.ru

Legal Regulation of Cybersecurity in Russia: Analysis, Challenges, Perspectives

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of the evolution and current state of legal regulation of cybersecurity in the Russian Federation. It examines the key legislative acts that form the basis of the national system for countering cyber threats, including the protection of critical information infrastructure (CII) and personal data. Based on official statistics, systemic law enforcement problems are identified: fragmentation of the regulatory framework, personnel shortage, low effectiveness of personal data protection, and shortcomings in interdepartmental coordination.

Special attention is paid to the impact of the import substitution policy on the domestic information security tools market. The conclusion presents predictive findings and recommendations for harmonizing legislation, strengthening the role of relevant state bodies, and developing international cooperation, taking into account the principle of digital sovereignty.

Key words: cybersecurity, legal regulation, critical information infrastructure, personal data, import substitution, cybercrime.

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни и экономики России закономерно привела к увеличению количества и масштабов киберугроз. Киберпространство стало новой средой для реализации противоправных деяний, представляющих опасность для национальной безопасности, экономической стабильности и прав граждан. В этих условиях адекватное и динамичное правовое регулирование превращается в ключевой инструмент обеспечения кибербезопасности. Однако скорость технологических изменений зачастую опережает темпы законотворчества, создавая «правовые лакуны», которыми могут воспользоваться злоумышленники.

Целью настоящего исследования является анализ действующей системы правового регулирования кибербезопасности в России, выявление ее системных проблем и формулирование перспективных направлений совершенствования. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) проследить исторические этапы формирования нормативной базы; 2) охарактеризовать современную архитектуру законодательства; 3) проанализировать статистику и ключевые проблемы правоприменения; 4) оценить роль государственных органов и влияние импортозамещения; 5) определить векторы дальнейшего развития регулирования.

Методологическую основу работы составили формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический методы анализа. Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении проблемы с учетом актуальных данных о киберинцидентах, и практических аспектах взаимодействия регуляторов и бизнеса в условиях санкционного давления.

1. Историческая эволюция и современная архитектура законодательства

Формирование отечественного правового поля в области кибербезопасности носило реактивный характер, следуя за технологическими вызовами. Условно можно выделить три этапа.

Первый (конец 1990-х – 2000-е гг.) был связан с закладкой общих основ. Базовым актом стал Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который ввел базовые понятия [1].

Второй этап (начало 2010-х гг.) ознаменовался выделением специальных режимов. Принятие Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» создало отдельный правовой институт защиты личных данных граждан [2].

Третий, современный этап (с середины 2010-х гг.), характеризуется осознанием инфраструктурных рисков. Основу государственной политики в сфере информационной безопасности (ИБ) закладывают два важнейших стратегических документа. Во-первых, это Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 г.), в которой дается базовое определение ИБ как «состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз» [3]. Во-вторых, Стратегия национальной безопасности РФ (Указ Президента № 400 от 2021 г.) развивает и конкретизирует эти положения в современных

условиях [4]. Кроме того, важнейшим стало принятие Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (КИИ), который установил жесткие требования к защите объектов, важных для государства и общества [5].

На сегодняшний день система регулирования представляет собой многоуровневую конструкцию. Помимо упомянутых федеральных законов, она включает множество подзаконных актов (приказы ФСТЭК России, ФСБ России, постановления Правительства), а также отраслевые стандарты.

Таким образом, современная правовая база России в области кибербезопасности объединяет комплекс мер, направленных на защиту информационной среды страны, но при этом сохраняет динамичность и требует постоянного обновления с учётом прогресса технологий и изменений в области цифровых рисков.

2. Статистика киберугроз и системные проблемы правоприменения

По информации «Парламентской газеты», за последние пять лет количество киберпреступлений в России увеличилось в 2,3 раза — с 294 тысяч в 2019-м до 677 тысяч в 2024 году [6].

По отчёту экспертного центра безопасности Positive Technologies, за три квартала 2023 года, в сравнении с показателями за весь 2022 год, количество проектов по расследованию киберинцидентов выросло на 76% [7].

Серьезной проблемой для государственных информационных ресурсов сохранялись распределенные атаки на отказ в обслуживании (DDoS). За 2023 год, по данным экспертов DDoS-Guard, их число достигло 1,26 млн, что означает семикратный рост по сравнению с предыдущим периодом [8].

На фоне усиления законодательства сохраняется ряд хронических проблем правоприменения:

1. Низкая эффективность защиты персональных данных. Несмотря на существенное увеличение штрафов по ст. 13.11 КоАП РФ, поток утечек не снижается. По данным компании «Еса Про», в 2025 году больше всего утечек данных из российских организаций (73%) пришлось на госсектор [9]. Аналитики связывают уязвимость госсектора с политической мотивацией хакеров, а также с низким уровнем кибербезопасности некоторых организаций.
2. Институциональная разобщенность и кадровый дефицит. Координация между ключевыми регуляторами – ФСТЭК, ФСБ, Роскомнадзором, МВД – остается недостаточно эффективной, особенно при расследовании сложных трансграничных инцидентов. Параллельно существует острый дефицит квалифицированных юристов и технических специалистов, понимающих как правовые, так и технологические аспекты кибербезопасности [10].
3. «Правовое отставание». Длительный цикл принятия законов не успевает за скоростью развития IT-сферы. Нормы часто устаревают, не успев регулировать такие явления, как атаки с использованием искусственного интеллекта или риски интернета вещей (IoT) [11].

3. Роль государственных органов и влияние импортозамещения

В системе обеспечения кибербезопасности ключевую роль играют несколько государственных органов. ФСТЭК России разрабатывает требования по защите. В системе обеспечения кибербезопасности, особенно в отношении критической информационной инфраструктуры (КИИ), ключевую регуляторную и надзорную роль играют несколько государственных органов. Субъектами КИИ, согласно обновленной редакции закона 187-ФЗ (вступившей в силу с 1 сентября 2025 года), признаются широкий круг организаций:

федеральные и региональные органы власти, государственные и муниципальные учреждения (больницы, вузы, МФЦ), унитарные предприятия, а также юридические лица, работающие в стратегических отраслях, таких как здравоохранение, транспорт, связь, энергетика, финансы, ОПК и других [12].

В связи с этим централизованная система управления безопасностью КИИ была усилена. ФСТЭК России формулирует нормативные требования, осуществляет категорирование и ведение реестра объектов критической информационной инфраструктуры (КИИ), а также контролирует применение сертифицированных средств защиты [12]. ФСБ России отвечает за криптографическую защиту, управляет системой оперативного реагирования на инциденты (ГосСОПКА), проводит мониторинг угроз и устанавливает стандарты для специальных средств защиты. Полномочия Роскомнадзора охватывают надзор в сфере персональных данных, а МВД России расследует киберпреступления [12].

Регуляторное давление и курс на импортозамещение, закреплённый в том числе для широкого круга субъектов КИИ (от органов власти до компаний стратегических отраслей), стали мощными драйверами роста отечественного рынка. Это стимулировало внутренний спрос: согласно TAdviser, объём рынка информационной безопасности России в 2023 году вырос на 15%, а в 2024 году ускорился до 27%, достигнув 337 млрд рублей (см. рис. 1). Прогноз на 2025 год также оптимистичен — ожидается рост на 20–25% и преодоление рубежа в 400 млрд рублей [13].

Однако стремительное замещение иностранных решений создает парадокс: с одной стороны, оно повышает технологический суверенитет, с другой — может временно снизить общий уровень безопасности из-за необходимости массового тестирования и доведения до зрелости отечественных аналогов.

Рис. 1. Объем российского рынка информационной безопасности (в млрд рублей)

Правовое регулирование кибербезопасности в России, несмотря на развитую нормативную базу, остается фрагментированным и не успевает за динамикой технологических угроз. Ключевыми проблемами являются низкая эффективность защиты данных, кадровый дефицит и сложности межведомственной координации. Для создания устойчивой системы необходимо провести консолидацию законодательства, усилить

подготовку специалистов и внедрить современные технологии проактивной защиты. Одновременно политика импортозамещения требует сбалансированного подхода, чтобы не допустить снижения общих стандартов безопасности в переходный период.

Библиографический список

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 31 июля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.
2. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451.
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27. – Ст. 5351.
5. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (ч. I). – Ст. 4768.
6. Количество киберпреступлений в России выросло в 2,3 раза за пять лет / Рамблер. URL: https://news.rambler.ru/tech/52615165/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink / (дата обращения: 18.10.2025).
7. Как изменились атаки на российские компании за два года // Positive Technologies. URL: https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/kak-izmenilis-ataki-na-rossiyskie-kompanii-za-dva-goda/#id1 (дата обращения: 18.10.2025).
8. Тенденции DDoS-атак в 2024 году // DDOS-GUARD. URL: https://ddos-guard.ru/blog/tendentsii-ddos-atak-2024 (дата обращения: 18.10.2025
9. Назван главный источник утечек данных россиян — на него пришлось более 70 % инцидентов в 2025 году// 3D News. URL: https://3dnews.ru/1134288/nazvan-glavniy-istochnik-utechek-dannih-rossiyan-na-nego-prishlos-bolee-70-intsidentov-v-2025-godu (дата обращения: 18.10.2025).
10. Кондрачук М. В. Дефицит кадров информационной безопасности в органах исполнительной власти: причины, структурные диспропорции и пути институциональной модернизации // Актуальные исследования. 2025. №47 (282). Ч.II. С. 69-71. URL: https://apni.ru/article/13663-deficit-kadrov-informacionnoj-bezopasnosti-v-organah-ispolnitelnoj-vlasti-prichiny-strukturnye-disproporcii-i-puti-institucionalnoj-modernizacii (дата обращения: 03.12.2025).
11. Цифровизация спотыкается о законодательные барьеры//РБК. URL: https://spb.plus.rbc.ru/news/5acb3d3a7a8aa94d5e7194db (дата обращения: 18.10.2025).
12. Защита критической информационной инфраструктуры в 2025 году: что нужно знать бизнесу// klerk.ru. URL: https://www.klerk.ru/blogs/data-sec/668818/#sub-chapter-chto-takoe-kriticheskaya-informacionnaya-infrastruktura-i-kto-ob-kto-schitaetsya-subektom-kii (дата обращения: 18.10.2025).

13. Информационная безопасность (рынок России) // Tadviser : [сайт]. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Информационная_безопасность_(рынок_России) (дата обращения: 18.10.2025).

УДК 338.1

Лопатина Арина Юрьевна
студент 2 курса очной формы обучения направления подготовки
40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридической академия»
Балаковский филиал
Россия, г. Балаково
e-mail: liriin373@gmail.com

Цифровизация как драйвер роста для малого и среднего бизнеса в России: анализ текущей ситуации и потенциальные возможности

Аннотация

В статье утверждается, что цифровизация является неотъемлемым помощником для роста малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Цифровизация необходима для создания конкурентоспособного рынка, так же для расширения возможностей малого и среднего предпринимательства и преодоление барьеров на пути цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровизация экономики, индекс цифровой трансформации, инновационные технологии, ресурсное обеспечение, инструменты цифровой трансформации.

Lopatina Arina Yurievna
2nd year student of study 40.05.04 Judicial and Prosecutorial Activity
Balakovo branch of Saratov State Law Academy
Balakovo, Russia
e-mail: liriin373@gmail.com

Digitalization as a growth driver for small and medium-sized businesses in Russia: analysis of the current situation and potential opportunities

Abstract

The article states that digitalization is an indispensable tool for the growth of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation. Digitalization is essential for creating a competitive market, expanding the opportunities for small and medium-sized enterprises, and overcoming barriers to digital transformation.

Keywords: digitalization of the economy, digital transformation index, innovative technologies, resource provision, digital transformation tools.

Современная трансформация экономических процессов в России характеризуется ускоренной интеграцией цифровых практик, которые становятся не просто инструментом оптимизации, но и фундаментальным фактором структурных изменений в деловой активности малых и средних компаний. В условиях глобальной цифровизации, отечественный бизнес, и в особенности его сегмент малого и среднего предпринимательства (далее МСП), сталкивается с необходимостью адаптации к новым внедрением, где цифровые технологии определяют

конкурентоспособность и перспективы развития. Внедрение цифровых технологий в МСП является основой для преобразования не только самих компаний, но и региональных и национальных экономических систем. Этот процесс затрагивает все аспекты функционирования предприятий, от внутренних операционных процессов до взаимодействия с потребителями и выхода на новые рынки.

Актуальность исследования является роль МСП как базового элемента национальной экономики и фактором занятости: понимание того, насколько цифровые решения могут компенсировать последствия внешних изменений и содействовать восстановлению и росту в период адаптации, так же приобретает особую важность в условиях отсутствия эффективных механизмов поддержки и защиты от современных рисков и угроз. В процессе цифровизации необходимо учитывать не только текущее состояние и перспективы развития российского рынка технологий, но и так же предоставлять государственные стимулирующие программы для повышения конкурентоспособности МСП.

Таким образом, цифровизация экономики требует комплексного подхода, включающего активное участие и поддержку со стороны государства, а также создание благоприятных условий для внедрения цифровых технологий в деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства.

Цифровые технологий в российском МСП можно представить как многоуровневую структуру, включающую базовую ИТ-инфраструктуру (ИТ-инфраструктура — это совокупность информационных ресурсов и технологий, программного и аппаратного обеспечения, сетевых компонентов, носителей данных и сервисов организации, которые обеспечивают эксплуатацию и управление IT-средой компании), прикладное программное обеспечение и каналы цифровой коммерции. Базовая ИТ-инфраструктура охватывает доступ в интернет, вычислительные устройства и сети, которые обеспечивают возможность использования цифровых сервисов. Прикладное программное обеспечение представлено решениями для бухгалтерии, управления продажами и обслуживания клиентов, тогда как каналы цифровой коммерции включают собственные сайты, маркетплейсы *(маркетплейс — это онлайн-платформа, которая объединяет продавцов и покупателей в одном месте, например: wildberries,ozon и т.д.)* и платформы электронной коммерции. Это обусловлено тем, что крупные организации предлагают различные трактовки данного феномена, объясняя его как совокупность мотивационных факторов, изменение бизнес-моделей, создание новых каналов коммуникации с клиентами, разработку инновационных цифровых продуктов, оптимизацию производственных процессов и внедрение передовых цифровых технологий.[1]

Подобные различия подчеркивают необходимость учета специфических требований бизнеса, обусловленных его масштабами, организационной структурой, финансовыми и кадровыми ресурсами, а также отраслевой принадлежностью. Использование данного подхода позволяет более точно адаптировать этапы цифровой трансформации к конкретным условиям деятельности предприятий, что способствует повышению эффективности и результативности внедрения цифровых инноваций.

Стоит отметить разработанный аналитическим центром НАФИ индекс цифровой трансформации малого и среднего предпринимательства, который охватывает комплексную систему ключевых показателей:

-уровень интеграции облачных технологий, корпоративных коммуникационных платформ, систем автоматизации и других инструментов в бизнес-процессы индивидуальных предпринимателей и компаний.

-степень применения электронного документооборота и технологий искусственного интеллекта в операционной деятельности организаций.

-наличие и качество цифрового присутствия компании в интернете, которые включают в себя веб-сайты, аккаунты в социальных сетях и используемые каналы интернет-маркетинга.

-оценка готовности бизнеса к потенциальным цифровым опасностям и рискам.

-уровень подготовки и квалификации сотрудников к работе с цифровыми технологиями, включая наличие программ обучения и повышения квалификации.[2]

Данный индекс представляет собой методологически обоснованный инструмент для оценки уровня цифровой зрелости субъектов малого и среднего предпринимательства, а также выявления ключевых факторов, влияющих на успешность их цифровой трансформации.

Главной основой цифровой трансформации субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) является внедрение инновационных технологий в сочетании с формированием эффективного механизма управления. Основные трансформации МСП включают переход к облачным сервисам, автоматизацию операционных процессов и широкое распространение инструментов аналитики данных. В результате наблюдается смещение акцентов от капиталоёмкого приобретения оборудования к подписке на программные решения и платформенные сервисы. Они способствуют повышению гибкости ИТ-инфраструктуры и позволяют быстрее адаптировать бизнес-процессы под изменяющиеся требования рынка.

«Интеграция этих инновационных моделей требует от МСП не только технической готовности, но и изменения организационной культуры. Важно развивать у сотрудников навыки, необходимые для работы в цифровой среде, поощрять инновационное мышление и готовность к изменениям. Обучение и развитие персонала становятся критически важными элементами успешной цифровой трансформации.» [3, с.98]

Эти механизмы представляют собой интегрированную систему элементов управленческой структуры, включающую нормативно-правовое обеспечение, финансовые ресурсы, стимулирующие факторы, инфраструктурные препятствия, доступность технологических решений, систему оценки конечных результатов, а также инструменты, функции и методы управления.

За последние годы наблюдается устойчивая динамика ключевых статистических показателей цифровизации МСП: увеличивается проникновение ИТ-решений, растут объёмы инвестиций в цифровые технологии и повышается доля цифровых каналов в общей структуре выручки. Эти изменения проявляются неоднородно в разных отраслях и регионах, что отражает различную степень готовности предприятий к внедрению цифровых инструментов. В целом такая динамика демонстрирует постепенное смещение бизнес-моделей в сторону более цифровых процессов и каналов взаимодействия с клиентами. Основными факторами, определяющими динамику, являются доступность облачных сервисов, снижение стоимости программных решений и увеличение предложения цифровых услуг на рынке.

Рассмотрим основные компоненты, формирующие механизм цифровой трансформации МСП.

Нормативно-правовое обеспечение. Включает в себя совокупность федеральных законов, указов, постановлений, методических рекомендаций и локальных внутриорганизационных документов, которые регулируют процессы трансформации.

По мнению Е.А. Наклескиной и С.В. Одинцова, законодательное обеспечение цифровой трансформации бизнеса затрагивает как текущие подходы к внедрению цифровых технологий, так и актуализацию вопросов информационной безопасности, хранения, сбора и

передачи данных, являющихся ключевым ресурсом в условиях цифровизации. Законодательство в сфере цифровизации экономики активно развивается, где определены основные принципы цифровой трансформации, установлены цифровые права и уточнены проблемные аспекты использования цифровых технологий[5]. Эти нормативные акты служат основой для организации трансформационных процессов, определяя права и обязанности субъектов МСП. Однако, учитывая динамичный характер законодательства, реагирующего на современные вызовы и угрозы, на текущем этапе вопросы цифровой трансформации МСП рассматриваются наравне с реформами в области импортозамещения.

Ресурсное обеспечение цифровой трансформации субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). Ресурсное обеспечение представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов, определяющих пределы и возможности цифровой трансформации. Данный комплекс включает в себя следующие ключевые компоненты: высококвалифицированный управленческий персонал и компетентные специалисты, которые обладают необходимыми знаниями и навыками для реализации цифровых инициатив, денежные потоки, которые могут быть направлены для финансирования проектов цифровой трансформации, а также доступ к внешним источникам финансирования, таким как гранты, субсидии и кредиты, наличие современных технологий и доступ к необходимым сырьевым ресурсам, что является основой для внедрения инновационных решений, патенты, собственные разработки программного обеспечения, лицензии и другие интеллектуальные активы, которые могут служить конкурентным преимуществом.

Согласно исследованию И.М. Пожарицкой, ресурсное обеспечение играет ключевую роль в формировании конкурентных преимуществ субъектов МСП в условиях цифровой трансформации. Оно позволяет компании сопоставлять текущие возможности с перспективами, которые могут быть достигнуты благодаря внедрению цифровых технологий.

Исследование И.М. Пожарицкой подчеркивает, что доступ к ресурсам является основой для конкурентоспособности МСП в условиях цифровой трансформации. Ресурсное обеспечение позволяет компаниям сопоставлять свои текущие возможности с потенциалом, который открывается при внедрении цифровых решений, и эффективно планировать развитие.

Кроме того, стимулирующим фактором может стать потенциальное конкурентное преимущество, которое компания получает благодаря внедрению цифровых технологий. Это может выражаться в повышении эффективности бизнес-процессов, улучшении качества продукции или услуг, а также в расширении рыночной ниши.

По мнению Н.В. Митяевой и О.В. Заводило, барьеры на пути цифровой трансформации субъектов МСП совпадают с современными проблемам, с которыми сталкивается процесс цифровизации в целом. Основные проблемы можно классифицировать следующим образом:

Кадровая обеспеченность: недостаток квалифицированных специалистов, способных эффективно внедрять и управлять цифровыми технологиями.

Финансовые ресурсы: ограниченный доступ к финансированию, что затрудняет реализацию крупных цифровых проектов.

Доступность технологий: недостаток современных цифровых инструментов и платформ, адаптированных для использования в условиях МСП.

Понимание перспектив: недостаточное осознание конечных целей и выгод цифровой трансформации как со стороны руководства, так и со стороны сотрудников.

Неготовность потребителей: сопротивление изменениям со стороны клиентов и партнеров, что может затруднить внедрение новых цифровых решений.

Таким образом, успешная цифровая трансформация субъектов малого и среднего предпринимательства требует комплексного подхода, включающего в себя эффективное управление ресурсами, создание стимулирующих условий и преодоление существующих барьеров.

Обозначение конечных эффектов как ключевого элемента механизма цифровой трансформации субъектов МСП является фундаментом для построения целостной системы управления. В этом контексте система эффектов рассматривается не только как конечная цель трансформации, но и как индикатор, который отражает результативность цифровизационных процессов в бизнес-среде.

Соглашаясь с позицией М.П. Галимовой, можно утверждать, что готовность предприятий к цифровой трансформации обусловлена четким пониманием компонентов организационной трансформации, формирующихся на основе достижения перспективных целей[6].

Однако включение конечных эффектов в модель может отличаться в зависимости от концептуального подхода. Во-первых, конечные эффекты могут рассматриваться как результат применения определённого набора цифровых технологий и получения преимуществ от их практической реализации. В этом случае субъекты малого и среднего бизнеса опираются на уже существующие технологические решения, уделяя внимание на расширении их функциональных возможностей и повышении эффективности использования.

Во-вторых, конечные эффекты могут служить в качестве целевого показателя внедрения инструментов цифровизации. В данном контексте цифровая трансформация будет направлена на достижение определенных стратегических задач, таких как выход на новые рынки, а так же повышение качества постпродажного обслуживания и другие.

Инструменты, функции и средства управления являются существенными элементами механизма цифрового преобразования, которые обеспечивают успешное протекание трансформационных процессов. Рассмотрим их более подробно.

Под инструментами следует понимать специализированные вспомогательные решения, как правило, они представленны программным обеспечением, которое позволяет аккумулировать функции и средства управления, а также аналитически поддерживать принимаемые решения. Функции, в свою очередь, создают комплексную систему, включающую прогнозирование, планирование, управление, анализ, мониторинг и контроллинг. Способы управления представляют собой конкретизированные компоненты реализации управленческих функций. Примером таких средств может служить методология управления, включающая гибкие методы (Agile), традиционный менеджмент и методологию Scrum, которые определяют комплекс методов и приемов для управления цифровой трансформацией.

Сравнительный анализ показывает, что эффект от цифровых инструментов варьируется в зависимости от отраслевой специфики и размера бизнеса. Наибольшая эффективность достигается в секторах с высокой цифровой плотностью (например, в дистанционной торговле), тогда как в капиталоёмких производствах для получения результата требуются значительные инвестиции в адаптацию технологий.

Источники такой неоднородности находятся в различиях компетенций персонала, финансовых возможностях, инфраструктуре и регулировании. Следовательно, масштабируемость цифрового эффекта возможна лишь при соблюдении трёх условий: интеграция решений в бизнес-процессы, наличие квалифицированных кадров и доступ к финансированию.

Цифровые инструменты облегчают работу МСП с экспортными каналами посредством цифровой логистики, электронных платёжных систем, упрощённых процедур сертификации и инструментов управления внешнеторговыми рисками. «Развитие альтернативных платежных систем в рамках БРИКС, включая проект единой цифровой валюты БРИКС, создает возможности для обхода традиционных международных финансовых каналов. Сотрудничество с технологическими лидерами из Китая и Индии компенсирует ограничение доступа к западным технологиям» [7].

Внедрение таких решений снижает транзакционные барьеры и повышает предсказуемость расчётов и доставки при выходе на новые зарубежные рынки.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Цифровая трансформация субъектов малого и среднего предпринимательства представляет собой комплекс внутриорганизационных изменений, которые подразумевают не только внедрение цифровых технологий, но и адаптацию традиционной бизнес-модели, а также применение потенциальных преимуществ, которые охватывают новые технологии;

2. Анализ состояния цифровизации, представленный в первой главе, и рассмотренные в дальнейшем кейсы успешного внедрения подтверждают, что продуманное внедрение цифровых решений способствует диверсификации рынков и повышению операционной эффективности предприятий. В совокупности это укрепляет устойчивость компаний перед внешними шоками, что особенно актуально в контексте восстановления после 2022 года и процессов интеграции в региональные цифровые платформы. Проведённый анализ демонстрирует корреляцию между цифровыми практиками и улучшением ключевых экономических показателей МСБ, в том числе ростом выручки и повышением производительности труда, о чем рассказывает вторая глава исследования. Также было зафиксировано влияние цифровизации на расширение рынков сбыта и наращивание экспортного потенциала, что подчеркивает роль цифровых инструментов в обеспечении внешнеэкономической активности.

Библиографический список

1. Цифровизация малого и среднего бизнеса в 2025 году(дата обращения: 09.03.2026)https://ict.moscow/analytics/tsifrovizatsiia-malogo-i-srednego-biznesa-v-2025-godu/

2. «МЕХАНИЗМ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА» https://progressive-economy.ru/wpcontent/uploads/2023/08/elibrary_50365406_69099252.pdf?ysclid=mmj67xjb4i923952239 (дата обращения: 09.03.2026)

3. Дмитриева С.В. Инновационные модели развития малого и среднего бизнеса в эпоху цифровой трансформации экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2024. — №11. — С. 93–104.

4. Три кита цифровой трансформации субъектов МСП: перевод бизнеса в онлайн-формат, финансовая поддержка, обучение цифровым навыкам [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/article/1467601/ (дата обращения: 08.11.2025).

5. Наклескина Е.А., Одинцов С.В. Правовые основы цифровой трансформации бизнеса // Проблемы Науки. 2021. № 11 (168). С. 1–4.

6. Interes malogo biznesa k cifrovizacii i udalennoj rabote rezko vyros v 2022 godu [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.open.ru/about/press/47661 (дата обращения: 05.11.2025).

7. Новицкий В.С. Инновационная роль цифровых технологий в повышении конкурентоспособности малого бизнеса // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2024. — С. 662–672.

УДК 37.041

Прудникова Надежда Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры правового, информационного и документационного обеспечения управления
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Балаковский филиал
Россия, Балаково
e-mail: prudnikova-nn@ranepa.ru

Шафеев Иван Алексеевич
студент 2 курса очной формы обучения направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Балаковский филиал
Россия, Балаково
e-mail: ivanrusskiy1708@icloud.com

Лингводидактические аспекты формирования понятийного аппарата теории государства и права: (на материале англоязычной юридической терминологии)

Аннотация

В условиях глобализации актуально формирование концептуального аппарата зарубежных правовых систем. Статья посвящена проблеме терминологической интерференции, возникающей при изучении дисциплин теоретико-правового цикла на материале англоязычных источников. Обосновывается необходимость применения методики, интегрирующей принципы сравнительного правоведения и когнитивного подхода к усвоению терминологии. Предлагается методика формирования системы концептов, направленная на осознанное усвоение универсальных и лакунарных категорий общего и прецедентного права. Целенаправленная работа с понятийным аппаратом способствует не только развитию иноязычной компетенции, но и углублению понимания фундаментальных институтов теории государства и права, формируя основу для профессионального диалога в международном правовом пространстве.

Ключевые слова: теория государства и права, сравнительное правоведение, юридическая терминология, терминологическая интерференция.

Prudnikova Nadezhda Nikolaevna
candidate of pedagogical sciences, docent, associate professor at the department of Legal, information and documentary management support
Balakovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Balakovo
e -mail: prudnikova-nn@ranepa.ru

Shapheev Ivan Alekseyevich
2nd year student of study 40.03.01 Jurisprudence
Balakovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Balakovo
e -mail: ivanrusskiy1708@icloud.com

Linguistic aspects of forming the conceptual apparatus of state theory and law: (in the material of English-language legal terminology)

Abstract

Formation of the conceptual apparatus of foreign legal systems is topical in the context of globalization. The paper is devoted to the issue of terminological interference arising in the study of juridical disciplines. The need to apply a methodology integrating the principles of comparative jurisprudence and cognitive approach to foreign terminology acquisition is substantiated. The methodology for conscious assimilation of universal and lacunar categories of general law and case law is proposed. Purposeful work with a conceptual apparatus contributes not only to the development of foreign-language competence, but also enhances understanding fundamental institutions of state theory and law, necessary for professional dialogue in the international legal space.

Keywords: state theory and law, comparative jurisprudence, legal terminology, terminological interference.

Интенсификация международного профессионального общения наряду с интеграцией российской правовой науки в глобальный контекст предъявляют новые вызовы к подготовке будущих юристов. В рамках компетентностного подхода от юриста ожидается способность анализировать основные правовые доктрины, оперировать ключевыми понятиями права, работать с первоисточниками различных правовых систем [1]. Особую сложность представляет изучение дисциплин теоретико-правового цикла, таких как «Теория государства и права», в сравнительной перспективе. Усвоение фундаментальных категорий англосаксонской или континентальной правовой семьи подразумевает терминологическую интерференцию, вызванную отсутствием конгруэнтности понятийных систем разных языков и культур.

Глобализация не способствует сближению правовых систем, как это происходит в интеграционных объединениях государств, но ускоряет процесс формирования правовых систем смешанного типа, сочетающих элементы писаного и прецедентного права. Соответственно, усиливается многомерность правового бытия современного человека в международно-правовом, региональном, национальном и локальном контекстах [2, с. 6].

Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью педагогических технологий, целенаправленно формирующих целостный понятийный аппарат теории государства и права в процессе изучения англоязычных дисциплин. Существующие подходы зачастую сводятся к переводу и заучиванию изолированных терминов, что не способствует развитию профессионального правосознания в глобальном контексте. Обучающиеся, будучи осведомленными о значении профильной лексики, не всегда могут адекватно интерпретировать ее в русле концепций (пример – знакомое с первого семестра понятие «state» и его недопонимание в контексте «failing state» или «sovereign statehood»).

Следовательно, возникает необходимость в создании специализированной методики изучения теоретико-правового материала в русле англоязычных дисциплин.

Целью исследования является разработка и обоснование методики формирования понятийного аппарата теории государства и права в рамках сравнительно-правового подхода для преодоления терминологической интерференции и углубленного усвоения англоязычных правовых концептов.

Правовой базой для разработки предлагаемой методики служат требования ФГОС ВО по направлению 40.03.01 «Юриспруденция». В частности, речь идет о таких формулируемых компетенциях, как способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции и анализировать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук, что в современной интерпретации предполагает и компаративистский анализ. Методологическим фундаментом является сравнительное правоведение, предмет которого – выявление общего, особенного и единичного в различных правовых системах. Поскольку сравнение правовых понятий является исходной, элементарной операцией в рамках данной науки, сравнительно-правовой подход представляется естественной основой для построения педагогической стратегии. Важнейшей составляющей также является теория юридической техники, а именно ее раздел, посвященный юридической терминологии [3].

Исследователи подчеркивают, что юридический термин – это не просто слово, а знак, обозначающий профессиональное понятие, обладающее строгой дефиницией и системными связями с другими понятиями [4, с. 448]. При переносе в иную лингвокультурную среду эти связи нарушаются, что требует их реконструкции в сознании обучающегося.

Нам представляется актуальным провести исследование в русле когнитивного подхода, когда лексика усваивается как сеть концептов – ментальных единиц, структурирующих знание. Задача преподавателя сводится не к организации механического запоминания лексики обучающимися, а к построению в их сознании ментальной карты ключевых концептов англосаксонского права («rule of law» - «верховенство права», «common law» - «общее право», «law of equity» - «право справедливости», «precedent» - «судебный прецедент», «separation of powers» - «разделение властей») и их корреляции с понятиями российской теоретико-правовой науки.

Методика формирования понятийного аппарата теории государства и права представляет последовательность взаимосвязанных этапов, интегрируемых в курс «Английский язык в сфере юриспруденции» или в специализированные семинары по сравнительному правоведению.

Первый этап работы связан с выявлением лакун и «ложных друзей переводчика». На данном этапе происходит осознание проблемы несовпадения понятийных систем. Студентам предлагается провести сопоставительный анализ пар базовых терминов:

1) «state» versus «государство» (обсуждение диапазона понятия «state» от штата в США до государства-нации и его связи с концептами «sovereignty», «nation», «government»);

2) «law» versus «право», «закон» (фундаментальная для теории государства и права дихотомия объективного и субъективного права в русском языке не имеет прямого аналога в английском, где «law» чаще означает объективное право, а для субъективного используются «a right» или «claim»);

3) «civil society» versus «гражданское общество» (изучение исторического генезиса понятия у Локка и Гегеля для понимания смысловых нюансов) [5].

Используется работа с глоссариями и словарями, где даются не только определения, но и примеры употребления изучаемых лексических единиц.

Второй этап представляет собой погружение в доктринальный и нормативный контекст, когда термины изучаются не изолированно, а в естественной среде – в высказываниях классиков правовой мысли и текстах фундаментальных актов. Задания могут включать:

1) сопоставление трактовки «separation of powers» в «Духе законов» Ш. Монтескье (в переводе) и в статье III Конституции США;

2) обсуждение эволюции понятия «due process of law» на основе Четырнадцатой поправки к Конституции США и комментариев к ней [6].

Подобная работа позволяет обучающимся рассмотреть понятия в динамике, разобрать их философское и практическое наполнение.

Третий этап подразумевает построение концептуальных связей. Для визуализации системных отношений между понятиями применяются инструменты ментального картирования и составления концептуальных кластеров. Например, центральным концептом может быть «common law» («общее право»). От него проводятся связи к «precedent» («судебный прецедент»), «statute law» («писаное право»), «law of equity» («право справедливости»), «court hierarchy» («иерархия судов»). Каждая связь поясняется: «common law» создается судами через «precedent», но может быть изменено посредством «statute law», при этом решения судов по праву справедливости «law of equity» дополняли и корректировали «common law». Данный этап формирует целостную картину, а не набор разрозненных терминов.

Четвертый этап - закрепление сформированных концептов через решение задач, моделирующих профессиональную деятельность. Задания подразумевают сравнительные кейсы, моделирование дебатов с применением изученного понятийного аппарата, анализ аутентичных ресурсов для идентификации ключевых концептов в реальном тексте [7].

Предложенная лингводидактическая методика, основанная на интеграции сравнительно-правового, когнитивного и контекстуального подходов, направлена на преодоление поверхностного, «словарного» восприятия иностранной юридической терминологии. Ее поэтапная реализация позволяет трансформировать процесс изучения англоязычных понятий теории государства и права из задачи механического запоминания в процесс глубокого концептуального усвоения.

Формирование в сознании обучающихся взаимосвязанной сети профессиональных концептов выполняет две ключевые функции. Во-первых, оно служит эффективным инструментом преодоления терминологической интерференции и предотвращения смысловых ошибок, вызванных «ложными друзьями переводчика». Во-вторых, такая работа способствует более глубокому и объемному пониманию самих фундаментальных институтов и категорий права, поскольку требует их постоянного осмысления в новой, сравнительной перспективе [8, с. 249].

Следовательно, целенаправленное формирование понятийного аппарата теории государства и права на английском языке перестает быть сугубо лингвистической или методической задачей. Оно становится значимым элементом современного юридического образования, развивающим у будущих специалистов навыки критического мышления, сравнительного анализа и способность к полноценному участию в международном профессиональном диалоге. Дальнейшие исследования могут быть связаны с адаптацией данной методики к другим языковым парам (например, немецко-русской в контексте права

стран континентальной Европы) или с разработкой на ее основе конкретных учебно-методических комплексов.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция утвержден приказом министерства науки и высшего образования РФ от 13 августа 2020 г. № 1011. – URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-40-03-01-yurisprudenciya-1011/ (дата обращения: 02.12.2025).

2. Хабриева Т.Я. Вступительное слово на открытии XIII Международного конгресса сравнительного правоведения «Современное сравнительное правоведение: традиции, новации, перспективы. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения/. 2024. Т. 20. №1. С. 5-7. DOI 10.61205/jzsp.2024.1.1 (дата обращения: 02.12.2025).

3. Маршакова Н.Н. Юридическая техника: понятие, виды, средства, основные функции и значения // Юридическая техника/. 2001. №7. С. 52-59.

4. Sharipova N.E. Юридический термин: определение понятия и его основные признаки // International Journal of Education, Social Science & Humanities. Finland Academic Research Science Publisher/. 2024. Volume-12. Issue-4. Pp. 446-453.

5. Марченко М.Н. Источники права: учебное пособие. – – М.: Норма, 2018. – 672 с. https://studfile.net/preview/17009059/ дата обращения: 03.12.2025).

6. The Constitution of the United States: A Transcription. – National Archives. – URL: https://www.archives.gov/founding-docs/constitution-transcript (дата обращения: 03.12.2025).

7. Oyez: US Supreme Court Media. – URL: https://www.oyez.org/ (дата обращения: 03.12.2025).

8. Бикбулатова Г.Х. К вопросу о лексико-семантической интерференции в рамках терминологии права английского языка. // Современное педагогическое образование/. 2023. №4. С. 249-252.

УДК 331.109

Вербицкая Кристина Алексеевна
студент 2 курса очной формы обучения направления подготовки
40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридической академия»
Балаковский филиал
Россия, г. Балаково
e-mail: verbitskayanamnecash@icloud.com

Чаплагин Дмитрий Александрович
студент 1 курса очной формы обучения направления подготовки
40.02.02 Правоохранительная деятельность
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридической академия»
Балаковский филиал
Россия, г. Балаково
e-mail: k.e.n14@mail.ru

Химическая зависимость как фактор кадровой безопасности предприятия: социально-гуманитарный анализ и управленческие подходы

Аннотация

В статье рассматривается химическая зависимость работников как фактор кадровой безопасности предприятия. Анализируются социально-гуманитарные предпосылки зависимого поведения в профессиональной среде, его влияние на производственные показатели и уровень безопасности труда. На основе официальной статистики и эмпирических данных анкетирования предлагаются управленческие подходы к профилактике и снижению кадровых рисков.

Ключевые слова: химическая зависимость, кадровая безопасность, управление персоналом, производственный риск, охрана труда.

Verbitskaya Kristina Alekseevna
2nd year student of study 40.05.04 Judicial and Prosecutorial Activity
Balakovo branch of Saratov State Law Academy
Balakovo, Russia
e-mail: verbitskayanamnecash@icloud.com

Chaplagin Dmitry Aleksandrovich
1st year student of study 40.02.02 Law Enforcement Fctivities
Balakovo branch of Saratov State Law Academy
Balakovo, Russia
e-mail: k.e.n14@mail.ru

Substance Abuse as a Personnel Security Risk: Socio-Humanitarian Analysis and Management Strategies

Abstract

The article examines chemical dependency among employees as a factor in enterprise personnel security. It analyzes the social and humanitarian prerequisites for addictive behavior in the professional environment, its impact on performance indicators and workplace safety levels. Based on official statistics and empirical survey data, the article proposes managerial approaches for the prevention and mitigation of personnel risks.

Keywords: chemical dependency, personnel security, human resource management, workplace risk, occupational safety and health.

Введение

В условиях демографического спада, дефицита квалифицированных кадров и роста конкуренции за человеческий капитал обеспечение кадровой безопасности приобретает стратегическое значение для устойчивого развития предприятий. Современные организации все в большей степени сталкиваются с нетрадиционными рисками, связанными не только с профессиональной компетентностью работников, но и с их социальным и психофизическим состоянием. Одним из таких рисков является химическая зависимость, включающая злоупотребление алкоголем, наркотическими и иными психоактивными веществами.

Актуальность исследования обусловлена тем, что химическая зависимость перестала быть исключительно медицинской или социальной проблемой и все чаще проявляется как фактор, непосредственно влияющий на эффективность труда, безопасность производственных процессов и устойчивость кадрового потенциала. Данная трансформация проблемы подтверждается глобальными тенденциями. Как свидетельствует экспертная оценка Всемирной организации здравоохранения, сохраняется устойчивая тенденция к росту масштабов потребления наркотических средств в мире [1]. В профессиональной среде зависимое поведение работников трансформируется в угрозу аварийности, снижению производительности, росту текучести кадров и репутационным потерям организаций.

К числу наиболее тревожных проявлений данной тенденции относится омоложение контингента потребителей, диверсификация рынка за счёт распространения синтетических и новых психоактивных веществ (ПАВ), а также проникновение наркопотребления во все социально-экономические группы. Особую значимость для сферы труда имеет прогрессирующая наркотизация молодёжи, поскольку раннее формирование зависимости приводит не только к хронической взрослой наркомании, но и к деградации потенциальных трудовых ресурсов.

Целью исследования является обоснование необходимости перехода от репрессивных кадровых практик к интегративной модели управления рисками химической зависимости в системе кадровой безопасности предприятия.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

– провести социально-гуманитарный анализ причин химической зависимости в профессиональной среде;

– оценить влияние зависимого поведения работников на ключевые показатели деятельности предприятий;

– проанализировать нормативно-правовые основы регулирования данной сферы;

– предложить управленческие решения, ориентированные на профилактику и снижение кадровых рисков.

Химическая зависимость как фактор кадровой безопасности: от стигмы к системному пониманию

Современные научные подходы рассматривают химическую зависимость как хроническое многофакторное заболевание, формирующееся под воздействием совокупности биологических, психологических и социальных факторов [2]. Биопсихосоциальная модель, которая объединяет все эти факторы, опровергает миф о том, что зависимость — это просто «слабая воля». Эта модель позволяет понять, как на развитие зависимости влияет профессиональная среда и обстановка на конкретном рабочем месте. Ее анализ требует рассмотрения нескольких взаимосвязанных измерений:

Медико-биологическое измерение (БИО): В основе лежат стойкие нейрохимические изменения в мозге. ПАВ интегрируются в метаболизм, формируя физическую потребность. Абстинентный синдром представляет собой объективный физиологический процесс, что подтверждается четкими диагностическими критериями.

Психологическое измерение (ПСИХО): Зависимость — это нездоровый способ справляться с жизненными трудностями. Человек начинает использовать вещества (алкоголь, наркотики) как «костыль» или быстрое, но ложное «лекарство» от стресса, тревоги, скуки или душевной боли. Вместо того чтобы научиться решать проблемы, он привыкает «убегать» от них с помощью вещества, что только усугубляет ситуацию.

Социальное измерение (СОЦИО): к числу социальных факторов относятся нестабильность социально-экономической ситуации, высокий уровень профессионального стресса, дефицит социальных лифтов и низкая удовлетворенность трудом.

В ряде профессиональных сообществ сохраняются неформальные нормы, допускающие употребление алкоголя для «снятия напряжения» или сплочения коллектива, что формирует благоприятную среду для скрытого развития зависимого поведения, которое, таким образом, не является сугубо индивидуальной проблемой, а порождается обстановкой трудовой среды, что делает его предметом анализа в рамках кадрового менеджмента.

Профессиональные группы повышенного риска

Наибольшая вероятность формирования химической зависимости наблюдается в профессиональных группах, характеризующихся высоким уровнем ответственности, монотонностью труда, вредными или опасными условиями производства, а также ненормированным рабочим временем. К ним относятся работники промышленных предприятий, транспортной сферы, строительства, а также отдельные категории специалистов с высоким уровнем эмоционального выгорания.

В условиях хронического стресса психоактивные вещества нередко используются как дезадаптивный механизм психологической саморегуляции. При этом зависимость закономерно отражается на трудовом поведении работника, проявляясь в снижении концентрации внимания, нестабильности результатов труда, прогулах и нарушениях трудовой дисциплины.

Влияние химической зависимости на кадровую безопасность предприятий

Наличие химической зависимости у работников оказывает негативное воздействие на основные показатели деятельности предприятий. Снижается производительность труда, возрастает количество нарушений трудовой дисциплины, увеличиваются потери рабочего времени. Особую опасность зависимость представляет для отраслей с повышенными требованиями к соблюдению техники безопасности.

На рисунке 1 представлена динамика впервые выявленных случаев алкогольной зависимости в Российской Федерации по данным Федеральной службы государственной статистики.

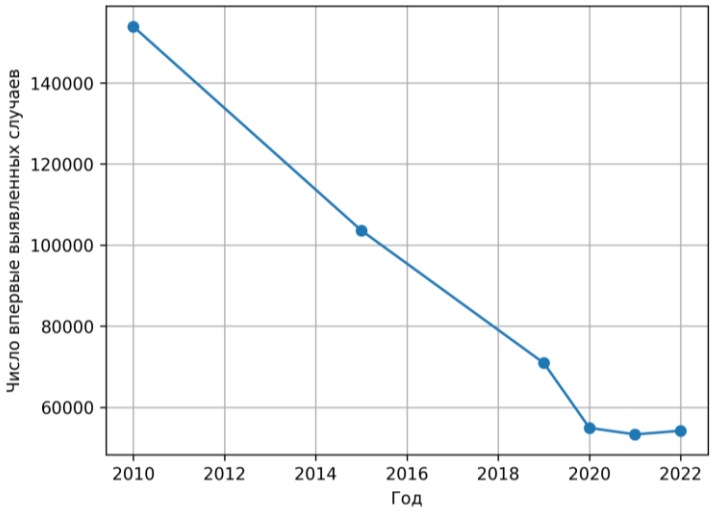

Рис. 1. Динамика впервые выявленных случаев алкогольной зависимости в Российской Федерации (2010–2022 гг.)

График отражает устойчивое снижение показателей в 2010–2021 гг. и их последующий рост в 2022 году, что указывает на сохранение кадровых и социальных рисков [3].

Производственный травматизм в России остается значимым: коэффициент частоты несчастных случаев стабилизировался на уровне около 1,0 случая на 1000 работающих. Согласно данным Росстата, ежегодно в Российской Федерации регистрируются десятки тысяч несчастных случаев на производстве, часть из которых связана с состоянием алкогольного опьянения работников [4]. Эти данные подтверждают необходимость учета фактора химической зависимости при формировании системы кадровой безопасности.

Региональная специфика проблемы наркомании в России также ярко выражена. Согласно официальному рейтингу Минздрава РФ за 2024 год, наивысший показатель первичной заболеваемости наркоманией был зафиксирован в Хабаровском крае (19,6 на 100 тыс. населения). В первую пятерку также вошли Новосибирская (18,4), Свердловская (17,7), Красноярский (16,5) и Сахалинская (15,7) области. При этом в ряде субъектов, таких как Ненецкий и Чукотский автономные округа, новых случаев зарегистрировано не было [5]. Данная географическая неравномерность указывает на необходимость адаптации профилактических и управленческих мер к конкретным региональным условиям, особенно для предприятий, расположенных в зонах повышенного риска.

Эмпирические данные: оценка последствий и отношение в профессиональной среде.

Последствия химической зависимости для организации носят системный характер:

- Снижение индивидуальной и коллективной производительности;
- Рост риска производственного травматизма и аварийности;
- Ухудшение психологического климата, рост конфликтности;
- Репутационные потери и риски, связанные с хищениями или распространением ПАВ;
- Прямые экономические издержки на поиск и адаптацию замены, потеря инвестиций в обучение.

Результаты анкетирования, проведенного среди студентов Балаковского филиала ФГБОУ ВО «СГЮА» (как будущих участников трудовых отношений), указывают на сохраняющиеся проблемные зоны.

Было установлено, что 53,6 % опрошенных студентов придерживаются позиции, согласно которой так называемых «лёгких» наркотиков, не вызывающих привыкания, не существует; 27,2 % респондентов считают, что подобная категория веществ возможна; 19,2 % затруднились с ответом. Полученные данные, представленные на рисунке 2, свидетельствуют о преобладании критического отношения к наркотическим веществам, однако наличие значительной доли неопределившихся указывает на необходимость усиления профилактической и просветительской работы в молодежной среде.

Рис. 2. Отношение студентов к существованию «легких» наркотиков

На предложение попробовать наркотик 84% сказали бы «нет»; 11% — «не знаю»; 5% согласились бы. Диаграмма представлена на рисунке 3.

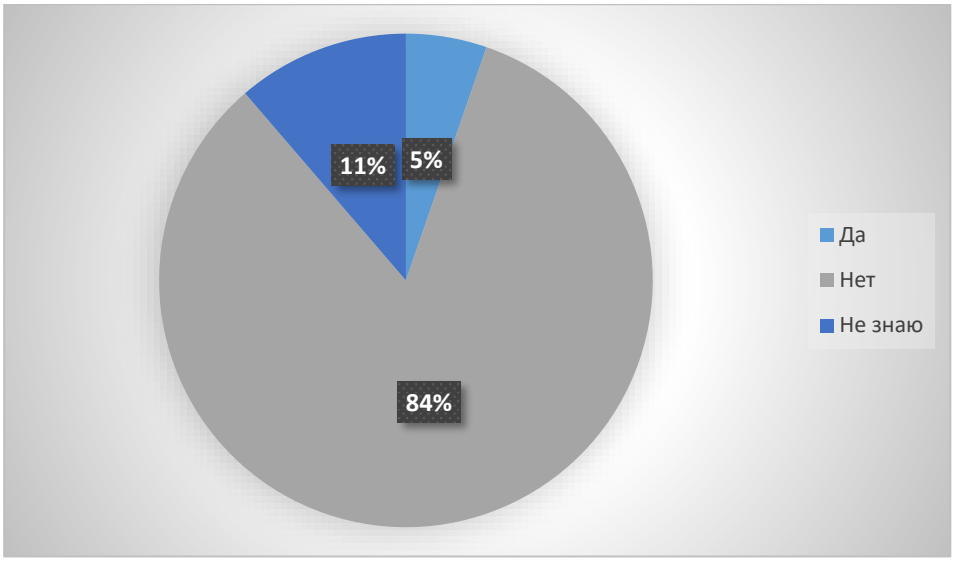

Рис. 3. Отношение студентов к предложению попробовать наркотик

На вопрос, «Есть ли среди ваших знакомых лица, употребляющие или пробовавшие наркотики?» 49,7% есть друзья или знакомые, употребляющие наркотики; 45,7% уверены, что в их окружении таких нет; 4,6% — не знают. Места приобретения наркотических средств

знают 38,4% опрошенных студентов. О стоимости их приобретения не знают 60,8 %; для 55,6% наркотики — дорогое «удовольствие», а 11,1% считают их цену вполне доступной. На вопрос: «Возникало ли у Вас когда-нибудь желание попробовать наркотик?» 23,3% студентов ответили утвердительно; большинство такого желания не испытывали никогда. Опрошенные студенты антинаркотическую пропаганду считают недостаточной в СМИ (80,7 %), но слышали о ней в СГЮА. Порядка 13,2% опрошенных студентов не смогли дать оценку проводимым мероприятиям, что, скорее всего, свидетельствует о недостаточности работы в этом направлении.

Резюмируя результаты анкетирования, можно выделить ряд проблемных направления в данной сфере:

Значительная доля респондентов (49,7%) имеет в окружении лиц, употребляющих наркотики;

Более 38% осведомлены о точках сбыта ПАВ;

Каждый пятый (23,3%) допускал возможность пробы наркотиков;

Подавляющее большинство (80,7%) оценивает антинаркотическую пропаганду в СМИ как недостаточную.

Данные подтверждают необходимость активной профилактической работы, начиная с этапа профессионального становления.

Нормативно-правовое регулирование кадровых практик в сфере химической зависимости.

Правовое регулирование вопросов, связанных с химической зависимостью работников, осуществляется в рамках трудового, медицинского и административного законодательства Российской Федерации.

Непосредственное увольнение работника по причине наличия диагноза зависимости является незаконным. Основанием для применения дисциплинарных мер могут служить лишь конкретные трудовые проступки, такие как появление на рабочем месте в состоянии опьянения или систематическое нарушение трудовой дисциплины

Действующее законодательство РФ формирует строгие рамки для действий работодателя, балансируя между обеспечением безопасности и защитой прав сотрудника. Ключевые нормативные акты и их применение в кадровом менеджменте систематизированы в Таблице 1.

Таблица 1. Нормативно-правовая база регулирования вопросов химической зависимости в трудовых отношениях

Нормативный акт	Сфера применения	Применение в кадровом менеджменте
Трудовой кодекс РФ (ТК РФ) [6]	Основные трудовые отношения	Регулирование медосмотров (ст. 213), увольнение за появление в состоянии опьянения (пп. «б» п. 6 ч. 1 ст. 81), прекращение договора по мед.показаниям (ст. 83).
Федеральный закон «Об основах охраны труда в РФ» [7]	Охрана труда и безопасность	Установление обязанностей работодателя по обеспечению безопасных условий, предотвращению воздействия вредных факторов.

Приказ Минтруда России № 223н [8]	Расследование несчастных случаев	Определение порядка расследования, документального оформления, в т.ч. случаев, связанных с опьянением.
Федеральный закон «О персональных данных» № 152-ФЗ [9]	Обработка персональных данных	Регламентация работы с конфиденциальной медицинской информацией, полученной в ходе тестирования или медосмотров.

Данная правовая база исключает увольнение непосредственно по диагнозу, но предоставляет инструменты для реагирования на дисциплинарные проступки (опьянение на рабочем месте) и обеспечения безопасности через обязательные медосмотры.

Управленческие решения: от репрессивного контроля к проактивной системе поддержки.

Современный подход к управлению рисками химической зависимости предполагает переход от реактивного контроля к проактивной системе поддержки работников. Данная система основывается на трех ключевых элементах:

1. Профилактика и формирование культуры здоровья:

Реализация регулярных образовательных программ о природе зависимости.

Внедрение систем управления стрессом и поддержки благополучия (EAP – Программа помощи сотрудникам, корпоративный спорт).

Неукоснительное соблюдение норм охраны труда, включая предварительные и периодические медицинские осмотры.

2. Раннее выявление, вмешательство и направление на помощь:

Обучение линейных руководителей и HR-специалистов навыкам распознавания косвенных признаков неблагополучия и проведения мотивационных бесед.

Внедрение конфиденциального канала помощи (EAP), обеспечивающего консультационную, психологическую и юридическую поддержку.

Четкое правовое сопровождение процессов (отпуск для лечения, конфиденциальность).

3. Помощь в возвращении к работе и поддержка после лечения:

Разработка индивидуальных планов возвращения к работе после лечения.

Создание или поддержка групп взаимопомощи.

Формирование корпоративной культуры, ориентированной на здоровье и благополучие персонала, позволяет снизить кадровые риски и сохранить человеческий капитал организации.

Заключение

Химическая зависимость представляет собой комплексный вызов кадровой безопасности, требующий адекватного социально-гуманитарного осмысления и системных управленческих решений. Переход от репрессивно-карательной модели к стратегии, основанной на принципах здоровья, профилактики и реинтеграции, соответствует не только стандартам корпоративной социальной ответственности, но и прагматичным экономическим интересам компании. Инвестиции в создание «восстанавливающей среды» окупаются за счет сохранения человеческого капитала, снижения операционных и репутационных рисков, а также роста устойчивости организации. В условиях конкуренции за таланты способность

защищать и восстанавливать ключевой ресурс – персонал – становится критическим фактором стратегического преимущества и неотъемлемым элементом современной системы кадровой безопасности.

Практические рекомендации для работодателей включают:

1. Разработку и внедрение корпоративной политики, регулирующей вопросы зависимости, с акцентом на профилактику и помощь.
2. Внедрение регулярных программ обучения и информирования сотрудников.
3. Использование легитимных процедур тестирования, особенно в отраслях с повышенными требованиями к безопасности.
4. Обеспечение доступа сотрудников к конфиденциальной профессиональной помощи (EAP).
5. Развитие партнерства с профильными медицинскими, психологическими и социальными службами.

Библиографический список

1. Всемирная организация здравоохранения. Наркомания и психоактивные вещества: отчёт 2023 года. – Женева: ВОЗ, 2023. – 72 с.
2. Bergmark K. H. Behavioral addictions — a social science perspective [Электронный ресурс] / K. H. Bergmark // General Internal Medicine and Clinical Innovations. – 2018. – Vol. 3. – Article GIMCI.1000159. – DOI: 10.15761/GIMCI.1000159. – URL: https://www.oatext.com/behavioral-addictions-a-social-science-perspective.php (дата обращения: 14.12.2025)
3. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) Здравоохранение в России: [Электронный ресурс]. – Москва: Росстат, 2023. – URL.: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218 (дата обращения: 14.12.2025).
4. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Форма № 7-травматизм «Сведения о травматизме на производстве и профессиональных заболеваниях. Таблицы из бюллетеня «Производственный травматизм в Российской Федерации в 2024 году»: [Электронный ресурс]. – Москва: Росстат, 2025. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/working_conditions (дата обращения: 14.12.2025).
5. Наивысший в РФ уровень заболеваемости наркоманией отмечен в Хабаровском крае [Электронный ресурс] / Э. Филипповский // Коммерсантъ. – 2025. – 18 сент. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8042597 (дата обращения: 14.12.2025).
6. Трудовой кодекс Российской Федерации: [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3. – URL: https://pravo.gov.ru (дата обращения: 14.12.2025).
7. Федеральный закон от 16.07.1999 № 181-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об основах охраны труда в Российской Федерации».
8. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 08.10.2021 № 223н «Об утверждении Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях».
9. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025). – Текст: электронный // Собрание законодательства Российской Федерации. –

2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261 (дата обращения: 14.12.2025).

Юридическая наука, государство и общество: актуальные проблемы и вызовы

Материалы городской научно-практической студенческой конференции

(Балаково, 3 декабря 2025 года)

Сборник трудов конференции публикуется в авторской редакции

Сетевое издание

Ответственный за выпуск – Алимова Н.К.

Научное издание

Системные требования:
операционная система Windows XP или новее, macOS 10.12 или новее, Linux.
Программное обеспечение для чтения файлов PDF.

Объем данных 1,9 Мб

Принято к публикации «30» октября 2026 года

Режим доступа: https://izd-mn.com/PDF/68MNNPK26.pdf свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ.

ООО «Издательство «Мир науки»

«Publishing company «World of science», LLC

Адрес:

Юридический адрес – 127055, г. Москва, пер. Порядковый, д. 21, офис 401.

Почтовый адрес – 127055, г. Москва, пер. Порядковый, д. 21, офис 401.

https://izd-mn.com/

ДАННОЕ ИЗДАНИЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ НА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ